

ПЕТР ИНГВИН

ЗИМОПИСЬ

КНИГА 1

КАК Я БЫЛ ДЕВОЧКОЙ

16+

Зимопись

Петр Ингвин

**Зимопись. Книга первая.
Как я был девочкой**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ингвин П.

Зимопись. Книга первая. Как я был девочкой / П. Ингвин —
«ЛитРес: Самиздат», 2016 — (Зимопись)

Я не ною и не жалуюсь, я пересиливаю. Я не прошу, я действую. Для меня нет невозможного. Трудно — да, долго — может быть, но не невозможно. Меня можно убить, но нельзя сломать. Этому научили меня здесь, в чужом мире, который стал для меня своим. Я могу его изменить, но готовы ли окружающие гибнуть за мои убеждения? Чего в моем желании больше: жажды справедливости, мечты отомстить или детского каприза доказать, что я вырос и со мной пора считаться? (Первая книга шеститомника о попаданцах в мир альтернативной морали. Пояснение для тех, кто наткнулся на цикл случайно: альтернативная мораль в "Зимописи" с нетрадиционной ничего общего не имеет. Дизайнер обложки Галина Николаиди).

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Причал	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	29
Часть вторая. Ангел	39
Глава 1	39
Глава 2	45
Глава 3	52
Глава 4	55
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Петр Ингвин

Зимопись. Книга первая.

Как я был девочкой

Пролог

Иногда хочется не терапии или профилактики, а хирургии, чтобы проблему ррраз – и навсегда. Одним махом, как в сказке, и чтобы сразу всем мгновенное беспробудное счастье.

Мечты, мечты.

– Можно, я подумаю? – попросил я уставившихся на меня соратников. Или соучастников? Кем мы будем, если примерим чужие роли и осуществим суеверие?

Или... не чужие? Хватит ли воли нести ответственность за все, что произойдет, потому что именно я что-то сделал или чего-то не сделал? Взять похожую ситуацию: трамвай несется на группу детей. Можно переключить стрелку, и вагон отправится по другому пути, где ребенок всего один. Что же: броситься переключать или остаться на месте, чтобы не обвинили в намеренном убийстве? Бездействие суд в любом случае оправдает. Возможно, оправдает и действие. А я сам? И если спасу многих – как смотреть в глаза матери того единственного?

– Кого-то к правильному решению подталкивают святые книги, – услышал я. – Любые. Не в имени Бога главное. В нас. В желаниях, намерениях и поступках.

– Боюсь, – честно признался я. – А если не получится?

– Хуже не будет.

– А если будет?

– Ветхий Завет, Левит, глава четыре: «А если согрешит начальник... и будет виновен, то... пусть приведет он в жертву козла без порока».

Козла. Непорочного. И все. Словно зарядку делаем: «Согрешили. Покаялись. Отдыхаем. Повторить несколько раз, и переходим к водным процедурам». Пресловутая буква закона соблюдена вопреки здравому смыслу. Козел наказан, грех начальнику отпущен. А начальником в случае успеха окажусь я. Одним из начальников. Сколько же козлов уйдет на заклание, пока мы достигнем желаемого?

А как все хорошо начиналось...

Часть первая. Причал

Глава 1

Четырнадцать лет. Страшно много. Василию Ивановичу Мухину, весьма среднему ученику средней школы, вашему покорному слуге, именно столько. И выгляжу средне: нечто нескладное, давно не стриженое. И мозги работают также. И жизнь – средняя до оскомины. Печалька. Хорошо, что есть Тома. На этот раз она решила летать на дельтаплане. Копила на новый бук, но... «Хочешь, Чапа, со мной?» Нахлынувшие чувства и дни ожидания опушу.

Три машины остановились у гребня оврага. Сопровождающие гордо нарекли склон горой, траву примяли, тележка для взлета заняла нужное место. Буксиром выступил чихающий пикап, от старости косящий фарами в разные стороны. Руководитель полетов – бывалый серьезный дядя в комбинезоне – в который раз нудел о давно усвоенном нами на инструктажах. Часть слушателей стояла, остальные, включая нас, расселись вокруг оратора на земле. На заднем плане багаж резво превращался в будущие средства три-д передвижения.

– Не называй его дельтапланом, – тоном знатока шепнула Тома. – Утопят в презрении.

– Кого?

– Тебя.

Подвернувшийся кустик переломился от моего пинка, нога при этом ударилась о булыжник, я скривился:

– Не называть кого?

Дуться на Тому невозможно. Увлекающийся характер не позволял ей обращать внимание на мелочи типа чужих обид.

– Дельтаплан, – как ребенку объяснила она.

Вот еще новость. Во мне проснулась язвительность:

– А полет полетом – можно?

К сожалению, ехидство, иронию, сарказм и прочее ерничанье немедленно постигала участь обид. Броня Томиного энтузиазма отражала любые атаки извне.

В этот момент распределили пилотов-инструкторов.

– Я с вами? – Вмиг забыв о моем существовании, Тома воззрилась на парня лет двадцати пяти, обежавшего ее цепким взглядом.

Полненький рыжий бодрячок со шлемом под мышкой и выражением «давай пошалим» мне сразу не понравился.

– Таки да, мадамочка. Как ваше ничего?

– Ничего... – опешила Тома.

Будучи одного с ней роста, пилот умудрялся глядеть сверху. Улыбался не переставая. Встал почти вплотную. Со стороны они смотрелись этакой десяткой, где ноль вообразил себя бесконечностью и клеит единичку.

– Тома, правильно?

Она испуганно-радостно кивнула. Щеки, красневшие по не всегда понятным мне поводам, предательски порозовели.

– И сколько нам лет? – прилетел ей следующий вопрос.

Томин возраст еще позволял интересоваться им вслух без потерь для репутации. Не женщина, но явно не ребенок. Одного со мной невеликого роста, кроме нужных мест стройная... да что там, скажем честно: худая. Зато в нужных... В общем, очаровательная молодая особа в личине подростка. Каким-то чудом совмеща томную грацию с мальчишеской неумностью, она собрала «в одном флаконе» чувственный бантик губ, озера глаз без дна и края и звездопад

в ночи – длиннющие темные волосы. Определение подростка больше подходило мне. Называя своими именами, даже мальчика, а не подростка. Тома рядом со мной выглядела как забугорный комп рядом с нынешним отечественным, пока неказистым, но у которого, как говорят, все впереди. Зато мой софт так проапгрейден, как ее харду не снилось. Без скромности. Не бейте художника, я так вижу.

Овальное Томино личико взвилось, подбородок вздернулся:

– Уже пятнадцать. Скоро шестнадцать!

Мужики, собиравшие в траве второй аппарат-танDEM, глумливо загоготали:

– Сколо тлидцать, а пока тли...

– Ша! – бросил туда Томин коротышка-пилот. – Хотите отнести стоматологам в два раза больше, чем мечтали заработать?

Слова лились из него словно бусинки, нанизанные на длинную мысль, тон предложения к последнему слову забавно повышался. Мягкость произношения и звук по-змеиному шипящих букв заворачивали.

– Было у мамы два сына, один умный, второй – Шурик... – не унимались помощники, переходя на личность пилота.

– И это мои товарищи? Тогда что такое фашисты? И не надо про второго сына, вы делаете мне обидно.

Похоже, такая перепалка здесь вроде традиции.

Когда мне нужно добавить себе возраста и солидности, я расправляю плечи и тянусь макушкой вверх, чуть на цыпочки не встаю. Тома без раздумий поступила так же. Выперла все, чем природа одарила, острый нос – вверх, взгляд – «щас плюну».

– Умничка, держи фасон и все будет в ажуре, – с вежливым снисхождением принял пилот ее потуги. – Таки да, пятнадцать – очень много. А нам главное, чтобы до восьмидесяти пяти.

– Лет?!

– Килограмм. Или инструктаж между ушей не отпечатался? Таки лучше сразу везде вести себя правильно, чем потом с-под низу любоваться прекрасной природой кладбища.

Еще раз, ничуть не скрываясь, похожий на мультяшного персонажа с пропеллером упитанный пилот просканировал взглядом Томину фигурку, еще не полноценно женскую, но с моей точки зрения идеальную: по-мальчишески крепкую, подтянутую, что особенно здорово смотрелась в ярко-алой спортивной форме. Оценивал? Мне показалось так. Настаивать не буду, возможно, он проверял соответствие одежды полету.

– Я готова.

Тома действительно была готова – сожрать визави с потрохами.

– Тогда хватит утюжить клешем булыжник, подгребайте к нашей цапке.

Направляя и поддерживая Тому за талию, самонавязанный кавалер переместил ее ближе к дельтаплану.

– Как вы догадались, я из Одессы. – Стукнув каблуками, рыжий пилот лихо козырнул. – Позвольте представиться, Александр, он же Шурик, он же Алик, он же Саша, он же Саня, он же, если приспичит, Искандер Двурогий.

– Какой?! – не сдержалась Тома, прыснув в мою сторону: – Слышал, Чапа?

Я завидовал ее умению мгновенно преображаться: из гнева – в серьезность, оттуда – в заразную для окружающих смешливость, заставляя ответно улыбаться всех, включая таких, кто не только не собирался, но даже думал, что не умеет.

– Македонского так звали, даже в Коране упоминается, – донесся голос второго пилота. Моего. – А меня – Абдул-Малик. – Курчавая по тыльной стороне ладонь огладила жгуче-черную щетину. – Можно просто Малик.

Повторенное имя перенесло ударение на «а». У крепко сложенного обладателя орлиного профиля вопросов к подопечному – ко мне – не оказалось. Только брови под надетым шлемом взлетели:

– Чапа?

– Вася, – буркнул я.

Малик понимающе кивнул. Вперед протянулась огромная пятерня, машинально мною пожатая.

– Но можно и Чапа, – смиловился я. Люблю, когда относятся не как к ребенку. – Привык уже.

– Хорошо. Идем к аппарату. Вы вместе? – Его шлем качнулся в сторону девушки.

Я почему-то смутился.

– Да.

Боялся, не так поймут? Но не пускаться же в ненужные объяснения.

Малик посерьезнел, одесситу от бедра погрозил его внушительный кулак. Тот никак не среагировал. Но увидел. Я видел, что он увидел.

В общем, мой пилот, в отличие от некоторых, мне понравился.

Собранные дельтапланы установили на тележки, но нас к ним не подпустили. Сначала, следуя некой традиции, мы с пилотами отправились к ухоженной глыбе на краю оврага. Шурик нес цветы, большой и грозный Малик следил за нами, чтобы не отставали и не чудили. Визуальный ровесник одессита, он втрое превосходил того в плечах и во столько же проигрывал в талии. Смотрел Малик сурово, как орел на цыплят, но столь же отечески-оберегающе. Я сразу полюбил его за немногословность. Все познается в сравнении.

Малик первым остановился у камня, пропустил вперед Шурика и придержал нас.

Возложили.

Помолчали.

– У него здесь отец разбился, – вполголоса пояснил Малик, когда шагали обратно. – Года не прошло. Аппарат – вдребезги. И кусочков не собрали похоронить. А под склоном еще самолеты со времен войны, гражданский лайнер – много лет назад, несколько вертолетов... Много чего. Братская могила. Здесь воздушный поток особенный. Если не знать, лучше не соваться.

«Ободренных» таким образом, нас провели к опускавшимся под дельтапланы треугольникам, вопреки здравому смыслу именуемыми здесь трапециями. И началось. Сначала Тома, в подвеске за Шуриком, за ними – мы.

– Абдулла, поджигай! – весело кричал Шурик соратнику, готовившемуся со мной к старту во втором аппарате.

Малик выдал нехотя, всем видом демонстрируя, как надоел ему заезженный диалог:

– Я мзды не беру. Мне за державу обидно. Я мзды даю.

Уххх! – натянулась ткань, в лицо ударил воздух, и через миг далеко внизу мелькнули малюсенькие машины и совсем микроскопические люди.

И – тишина...

Глава 2

Управлять с помощью задницы – не про дурную голову. Про дельтаплан. Нет, про аппарат – так надо говорить. Местная специфика. Как моряку сказать, что корабль плавает или обозвать эсминец судном.

Свист ветра в тросах не мешал разговаривать, но мой пилот давал насладиться безмолвием и иллюзией самостоятельности. И полным единением с небом.

Тишину нарушил я:

– Смотри!

Малик резко повел вбок, настигая Шурика с Томой, но их аппарат упорно несея к обнаруженной мной посреди неба мерцающей воздушной воронке.

Мы не успели ничего понять. Ниоткуда возникший вихрь обжег лютым холодом, вскружил, перевернул, тут же окатил жаром, словно в костер уронил... и выплюнул. Исчез. Как в видео, когда вдруг кончаются деньги на безлимитке.

А в ушах:

– Мамочкааа-а-а! – тоненький угасающий визг-воплъ Тома, переходящий в инфразвук...

– Ай, шайтан тебя дери! – гортанно-каркающе, совсем рядом...

– Ой вэй... – снова издавдалека и снизу, с прибавлением многих непонятных слов и кое-чего понятного, но непечатного.

Я решил не выпендриваться. Просто орал. Кстати, ура, орем – значит, живы.

Время полета по вертикали осталось неизвестным. Секунда? Две? Как бы не так. Жизнь! Все мои небывало насыщенные, как оказалось, годы.

– А дельтаплан?!... – вырвалось у меня.

Пошло прахом, что называть нужно по-другому. Какая разница, как называть, если он исчез! И... одежда. Все исчезло. Словно только что родившиеся, мы с пилотом сверзились в копну колючего сена, ушибив все, что возможно, и немножко друг друга.

Из шевелящегося вороха высунулась наголо бритая голова. Моя рука непроизвольно взлетела, ощупывая родные вихры до плеч. От сердца отлегло. До сих пор Малик был в шлеме, потому и всякие мысли.

– Живой?

– Даже немного здоровый, – просипел я, затем прокашлялся и закончил нормальным голосом: – Где Тома?

– Должна быть с Шуриком. Не бойся. Если что, он поможет.

Как раз этого я боялся.

Обходиться без одежды проблемы не составляло: погода благоприятствовала. Тепло и штиль. Полный. Откуда только взялся тот смерч?

Запах сена бил по мозгам. Копна оказалась невероятной горой, как в высоту, так и вширь. Пришедший на помощь кран «Рука Малика» играючи вызволил меня из осыпавшегося барханчика и водрузил на вершину. Пилот-инструктор произнес только одно слово:

– Интересно.

Все вокруг было золотым или зеленым за исключением нас: розовых, сидевших в желто-сером, местами до гнилостно-лежалого черного. Но мы смотрели не на себя. Заваливший долину сеномассив с трех сторон был окружен лесом, деревья начинались сразу за полосой кустарника, тоже окаймлявшего нас подковой. На грани видимости за лесом торчала труба или водонапорная башня. Но это мелочи, которые едва достойны упоминания, поскольку с четвертой стороны горизонт перегородили дымчатые каменные вершины. Горы.

Горы! Действительно, интересно, и еще как.

Вокруг – ни людей, ни машин, ни животных. На высочайшем из ближних деревьев – флаг на макушке. Одноцветный, но не черный, не зеленый, не красный. Какой-то грязно-серый.

Хм. Местность незнакомая. И – горы. Это у нас-то, где горой называют холмик или склон оврага. Мираж, что ли?

– Малик! – истерически донеслось с другого края гигантского сеновала.

– Шурик, – обрадовался лысый громила голосу приятеля. Его рука призывно вскинулась. – Мы здесь!

– Аллю, кинь маяк!

– Не видит. Нужно обозначиться.

Огромными охапками Малик стал подкидывать сено вверх. Сработало. На четвереньках, смешно подбрыкивая на проваливающейся поверхности, одессит карабкался курсом на соломенный гейзер, словно свинка по трясине – сияя незагорелыми округлостями и при остановках прикрываясь одной рукой, поскольку другая использовалась в качестве третьей точки опоры.

– И как вам это нравится? – Добравшись до нас и плюхнувшись рядом, Шурик почесался. – И, я дико извиняюсь, где мы?

– Где Тома? – спросил я главное.

– Там. – Последовал мах рыжей головы далеко назад. – Я ей не фреберичка.

– Фре... кто?

– Нянька. Не нянька. Я.

Малик уточнил:

– С ней все в порядке?

– Люди, что за геволт? Я вас умоляю. Не хочу расстраивать, но у нее все в лучшем виде.

– И все же. – Большие черные глаза Малика стали тоньше прорези для кредитки, и что-то подсказывало, что в таком настроении банкомат денег не выдаст. – Почему она там, – лысина грозно качнулась назад, – а ты здесь?

– Только не надо ой. Нет, сначала ваша лялечка об меня группнулась всем центровым фасадом, а как скинула, что из платьев на ней только мама не горюй и природные украшения, так будто гэц укусил. Слиняла бикицер в кусты, только булки сверкали.

Я нехорошо зыркнул на Шурика.

– Нет, попал таки под раздачу, сто раз пardon. Я, на минуточку, тудую и не смотрел ни разу, – выдал он в ответ, хотя вопроса не прозвучало. – В какое место мне этот гембель? Или оно мне надо? Бо на шо там смотреть, вы меня извините? Что свинью брить: визгу много, навару на грош. Кино и немцы. Или мне было дожидаться конца этого грандиозного шухера с воплем и танцами? Очумелая мамзелька – в кусты, в тенек, нервы подлечить, а я тихо-мирно поперся до вас, что сидите среди здесь как два придурка в три ряда. Может, уже двинемся обратно? Вдруг помощь нужна?

– Самый умный, да? – вспыхнул горбоносый пилот, утомленный казавшимся неиссякаемым потоком слов и пораженный финалом, как червяк каблуком.

– Спасибо за комплимент. Таки или как?

– А я о чем с самого начала?! – взревел огромный Малик.

Он первым кинулся в сторону пропавшей Тома, то есть туда, откуда прибыл одессит.

– Смотрите! – я застыл, указывая вперед на дерево с водруженным над верхушкой флагом.

Флаг сползал, стягиваемый снизу кем-то невидимым.

– Капец на холодец, – пробормотал Шурик.

– Как раз там, – подтвердил я затейливую мысль нашего Цицерона, – прямо.

Быстро перебирая всеми конечностями, наша тройка ринулась вперед.

Потом спереди донесся лай. Дикий. Грозный. Беспощадный. Многоголосый.

Глава 3

С круглыми от страха глазами из кустов на нас мчалась Тома. На ней была одежда: широкие штаны по щиколотку и облегающая жилетка на тесемках. Все невыносимо серое, потертое. В руках – ворох тряпок. Одежда для нас. Украла?!

Собачий рык, рёв и лай неумолимо приближались. Десятки злобных голосов раскатывались по долине, от бьющих по нервам низов уши сворачивались в трубочку.

– Помогите! Ой, мама. – Тома споткнулась, ноги повело, она едва не упала.

Треск веток под голыми ступнями сменился шорохом разлетавшегося сена.

– Мы рядом! – прогрехотал Малик во всю силу легких.

Бег на карачках по пересеченной местности, которая проваливается под тобой как болото, не мой конек, и я безнадежно отстал. Зато в Шурике взбурлила смесь паники с совестью, и он обогнал даже загорелую гору мышц, что проламывала пространство сверхзвуковым бульдозером. Одессит же словно катился: пухленький, сосредоточенно-взъерошенный и неустойчивый.

Позади Тома из кустарника вырвалось первое исчадие ада – на сенохранилище впрыгнул пятнистый волкодав с меня размером. Истекавшая слюной пасть оскалена, в глазах – жажда убийства.

– Фу! – заорал Малик.

– Сидеть! – внес лепту одессит. – Чужие!

Команды, дрессурой доводимые до автоматизма, не сработали. Перед нами не домашняя собачка. И не сторожевая. Может, пастушья? Где же пастух?

– Уберите собаку! На людей кидается! Загрызет же! – тонко и звонко завопил я.

Вместо ответа из леса вынеслась еще пара чудищ, а на подходе, судя по звукам, еще дюжина.

Пес догнал Тому и бросился на нее, когда она почти добралась до нас. Клацнули клыки, у меня замерло сердце. Томе повезло, трофей – только штанина.

Пушечным ядром пронесся Малик последние метры, но Шурик уже кинулся на собаку, как вратарь на мяч, и окрестности взорвались его воплем: клыки рвали новую добычу. Дрожащая Тома повисла на мне:

– Ой, Чапа...

Еще слез не хватало. Неуместные объятия взвинтили адреналин до предела. Даже до запредела, если так можно сказать. А и нельзя – без разницы, ведь было именно так.

Прижав к себе и чмокнув в щеку, следующим движением я оторвал Тому от себя:

– Закопайся. Чем глубже, тем лучше.

– А ты?

Ее руки уже рыли внушительную яму. Молодец, девчонка, не пропадет.

– Оденься! – прилетело мне вдогонку, когда Тома осознала ситуацию.

Вот и хорошо. Поздравляю с возвращением в реальный мир.

Отчаянно трусая, я выдвинулся в сторону битвы и понял, что опоздал. К сожалению и к счастью. Шурик баюкал порванную руку и жутко выл на пределе слышимости, его сидящее тело мерно раскачивалось. Дергались в конвульсиях растерзанные до костей ноги, выставленные вперед. Абдул-Малик (совесть не позволяла назвать его сейчас просто Маликом) весь в крови и шерсти, своей и собачьей, натягивал принесенные Томой штаны.

– На! – Ко мне прилетела охапка оставшихся тряпок.

Поскуливавшая мохнатая горка мяса с перебитым позвоночником валялась в стороне: старалась то ли уползти, то ли, наоборот, продолжить драку. При всем желании не могла ни

того, ни другого. Еще одна признаков жизни вовсе не подавала. Третья хрипела свернутой головой с выдавленными глазницами.

– Как?! – Мозг отказывался верить увиденному.

– С трудом.

Большого я не дождался: целая свора таких же созданий с шумом вывалилась из леса. Участь сородичей их не смутила, они почуяли кровь. Нам осталось жить с полминуты.

Штаны из дерюги на тесемочках оказались безразмерными. Пуговицы, молнии, липучки и застежки отсутствовали как класс. Тканью легкой жилетки, подобной Томиной, я хотел перевязать Шурика.

– Не успеешь, – бросив быстрый взгляд, сказал Абдул-Малик. – Одень.

Подумав, он добавил:

– И закопайся.

– Нет. – Я накинул жилетку и принял боксерскую стойку.

Горцу это понравилось.

– Руки-ноги не жалей, – донесся тихий совет. – Жизненно-важные органы защищай, в первую очередь голову. И не забывай про девушку, брат, если что – кроме тебя ей никто не поможет.

Подражая собакам, он опустился на четвереньки, из глубины его горла родился глухой рык, и Малик ринулся на наступавшего противника.

Первый ряд вскочивших на сено тварей остановился в недоумении. Что-то свирепое и страшное несло на них, и оно не боялось, а угрожало. Этот язык они понимали. Смерть. Пусть не всем, но каждому, до кого дотянется, пока остальные превосходящими силами будут глотать еще живые кости. Смерть во плоти. Собаки чувствовали ее запах.

И они отступили. Свора метнулась назад, в кусты, в ужасе от такого близкого, жуткого, неминуемого конца.

Абдул-Малик остановился на границе сена и высоких кустов. Словно обозначил территорию. Территорию смерти.

Собаки тоже остановились. Эффект неожиданности прошел, они опомнились. Человек – один. Их много. А он один – одетый, пахнущий именно человеком. Напасть повторно успели только первые из ринувшейся вперед своры, смерть встретила их ударами ног в брюхо, захватом за задние лапы и метанием в остальных. В это время на заднем плане схватки, в кустах, что-то происходило. Слышалось непонятное движение, всюду раздавались душераздирающие утробные крики боли. Одна псина выскочила на открытое пространство, на наших глазах она оказалась пригвождена к земле вылетевшим из леса копьем. Остальная свора ринулась в сторону. Скулящее поле боя вмиг очистилось от боеспособных тварей.

– Тома, – позвал я. – Вылезай. Кажется, мы спасены.

Позади меня проснулся сенный вулкан, из кратера выдвинулась темноволосая голова:

– Кем?

– Хочу ошибиться, но, по-моему, хозяевами одежды.

Тома на секунду задумалась.

– Это хорошо или плохо?

Глава 4

Из кустов появлялись люди. Или не люди. Сто процентов – гуманоиды. Одна голова, две ноги, две руки. Или лапы. Не видно. На зеленом фоне ярко выделялись белые балахоны до земли и остроконечные колпаки-маски с двумя дырками для глаз. Существа выглядели как американские ку-клукс-клановцы, только без круглого креста на сердце. Издали они также походили на экипированных штурмовиков-клонов из космической саги: тоже без лиц, белые, с оружием. Их копья никаким образом не напоминали бластеры, зато на поясе у каждого висело нечто непонятное – длинное, утолщавшееся книзу. Похоже на бейсбольную биты. Световой меч?

Количество неизвестных также не поддавалось исчислению, кусты и лес скрывали основную часть, на виду одновременно находилось трое, четверо, максимум пятеро. Из-под длинного одеяния иногда виднелись ноги в сандалиях со шнуровкой сверху голени, как у римских легионеров. Поразил не столько внешний вид чужаков, сколько язык: они, такие до безумия странные, говорили по-русски. Ну, почти по-русски. Непонятными оставались отдельные фразы. А понятное радости не прибавило.

Они хотели нас убить. Да, спасли, чтобы убить. На Востоке вора́м отрубали руки. Возможно, здесь отрубают головы.

К нам никто не подошел. Белобалахонщики смотрели издали, совещались и, кажется, кого-то ждали. Жреца, что вырвет сердце, или специалиста по грамотному нанизыванию на кол?

Это мои домыслы. Они просто ждали. Говорили между собой про погоду, про упавший флаг, про святой причал и про «сколько можно ждать». Про много работы, про «ни дня покоя» и про расплотившихся волков. Про ангелов, чертей, недавнюю смерть близнеца и чью-то последнюю надежду. Периодически упоминалось что-то, похожее на Калевалу с ударением в конце. Этот рефрен звучал постоянно: «Калевала, калевала!» – или что-то вроде того. Карелы, что ли? Почему остальное говорят по-русски? Может быть, не «калевала», а какое-нибудь «алаверды»? Тогда совсем хрень выходит. Трудно издалека и в пол-уха воспринять неизвестное. Но «убить» я точно слышал, полный штиль позволял.

Наши сторожа натаскали дров, запыла́л костер, над которым подвесили огромный казан.

Варить нас собрались?

На мачте, приколоченной к верхушке дерева, снова взвилось полотнище. Вслед за первым, поднятым чуть выше, показалось второе. На двух наши лесные приятели остановились. Отсутствие ветра не мешало разглядеть: флагами были такие же одноцветные тряпки, как дерюжка, из которой сделана наша одежда. Ни рисунков, ни гербов. Обычные сигнальные флаги. Мол, добрались, все нормально, птички в клетке. Или: набирайтесь аппетита, ужин скоро будет.

Неприятные, однако, фантазии.

Потянуло дымком и чем-то вкусненьким. В животе квакнуло. И не у меня одного. Нужно отвлечься. Время, что нас не трогали, мы употребили на перевязку Шурика.

– Извиняюсь спросить, – он с трудом превозмог боль, – мы на Земле или как?

Снова ставший обычным Малик туго перематывал одну его ногу, Тома протира́ла кровь на второй. Я подавал полосы, на которые рвал оставшиеся вещи: одеться Шурик был не в состоянии. Мы просто прикрыли его полотном из распоротой штанины.

– Гравитация в норме. – Малик мимолетно глянул вверх. – Солнце такое же, примерно там же. Воздух и собаки чисто земные. Природа и запахи тоже. Ночью посмотрим на Луну и звезды, уточним.

– Если доживем, – пробормотал я.

На глаза упала челка. Русые патлы а ля ранние Битлз – пышные, до плеч – усеяны соломой. Колени дрожали. Совсем не из-за этих, что в лесу. От пережитого. Вздрыченный организм дал обратку. Пришлось продолжать работу сидя.

– Если это наша Земля, то я американская королева, – выдавил Шурик.

– Хорошее уточнение – «наша», – приуныла Тома, и слово «хорошее» интонационно ничего хорошего в себе не несло.

Она закончила со второй разгрызенной ногой одессита. Я помог, придерживая на весу, Малик сноровисто перебинтовал, его большие руки аккуратно подоткнули под колено бугорок сена.

– Попали в другое время? – Шурик скрипел зубами, но терпел.

– Прошное или будущее? – забеспокоилась Тома.

С ее длинных волос тоже сыпались соломинки. Они со всех сыпались, кроме сверкавшего идеальной лысиной джигита.

– Вряд ли прошное, – проговорил Малик. – Говорят, в прошное попасть нельзя, от этого будущее изменяется.

Он щеголял многократно порванными краденными штанами при голом торсе, видок был еще тот: кровь, мускулы, и собачьи трупы вокруг. Возможно, чужаки не приближались к нам именно из-за этого.

– А если в будущее, то нельзя вернуться, – включился я. – По той же причине.

Томе расклад не понравился.

– Может быть, будущее уже состоялось, с учетом, что кто-то попал туда и вернулся?

Я фыркнул:

– Ага. И принес схему машины времени. Собрал, слетал на ней в будущее... и вновь принес. Далее по кругу.

– А если при возвращении все забывается? – не унималась Тома.

– Тогда ты уже была в будущем, – отрезал Малик. – Вернулась и все забыла.

– И неоднократно, – тоже попытался шутить Шурик. Пухлое лицо хотело улыбнуться, но скривилось от боли, веки крепко сжались. Неумелые перевязки не помогали – ран было слишком много.

– Как сам? – склонился к нему Малик.

– Не дождетесь.

– И все же?

– Хезающий кабыздох лучше зажмурившегося лёвы.

– Хохмит, – удовлетворенно выдохнул Малик. – Жить будет.

– Смотря с кем, – ввернул Шурик в том же духе.

Мне последняя мысль – как серпом по ягодам: ограниченный состав нашей компании к подобным шуткам не располагал.

– Одежда откуда? – Малик увел разговор в сторону.

Тома виновато указала на дерево с упавшим флагом:

– В лесу висела.

– На веревке?

– Да. Не между деревьями, как после стирки, – поправила она, видя, что понимают неправильно. – Просто на дереве, большим тюком. Я дернула, оно сползло.

– Только это висело? – Малик обвел рукой надетое на нас.

Вопрос заставил дружно переглянуться, мысль просто убивала: нас ждали?!

– Еще много осталось, – продолжила Тома. – Я выбрала подходящее. Но когда собаки...

Малик перебил:

– С этим разобрались – нас ждали, но сколько нас будет, не знали. И сроков прибытия не знали: тюк с одеждой срывал флаг, это было сигналом для наблюдателей. Здесь, – последовал указующий мах мощного подбородка вниз, на сено, – посадочная площадка. Там, – его взор возделся к небу, – дверь между мирами. Портал. Что мы знаем о порталах?

Один глаз лежащего Шурика приоткрылся:

– А мы таки знаем?

– Знаем, – непререкаемо объявил я. – Есть такие штуки, книжки называются.

Оба пилота-инструктора смешливо-горестно переглянулись.

– Глухой номер, – качнул головой Шурик. – Шкет, кончай бакланить. Или у тебя папа секретный акадэмик, и ты чего-то знаешь, чего другие нет?

Малик не согласился:

– Дай пацану сказать.

– Я думаю, для здоровья дешевле не знать за эти мансы. Но на всякий пожарный...

– Выкладывай, что читал, – перебил его Малик.

Надо же, настал мой звездный час.

Несколько лет назад моего папу тюкнула идея выживания после катаклизма, с тех пор он для моего обучения дрался со мной на палках, повесил дома грушу, устраивал шутливо-болезненные потасовки: «За каждый пропущенный мной удар получишь конфету». Вместе мы посетили одержимых другой серьезной болезнью – реконструкторов исторических эпох, где меня заставили сравнивать оружие и напяливать самоварные доспехи. Еще пришлось освоить рогатку и пращу: «Когда выбьешь пять из пяти, получишь новый смартфон». Мотивировка вдохновляла, но с поставленной целью не справилась. Сработала частично. Затем папа гонял меня по горам как Сидорову козу, научил плавать, стрелять из лука, готовить на костре, ездить на лошади...

Впрочем, научил ли? Учил – да. Вернее сказать – ознакомил. Что-то получалось лучше, что-то хуже, что-то вообще не получалось. И что обидно, попаданцы в книжках всегда подготовлены не хуже спецназа, а тут, когда попал в реальную передрыгу...

В общем, в обычной жизни дракам и физической подготовке я предпочитал интернет и книги. И вот знания пригодились.

– Порталы бывают проницаемыми в одну или в обе стороны. Перемещают в одно или в разные места и миры. Или в разные места в разных мирах, выполняя функцию телепорта. Могут быть незыблемы тысячелетиями: либо ON, либо OFF. Либо открываются один раз в определенный срок. В то же тысячелетие, например, или раз в год. Или в день.

– Или в марсианский день, – оскалился Малик.

Это он так улыбался.

Я продолжил, пока снова не перебили:

– Портал может гулять как по горизонтали и вертикали, так и во времени. Еще он может быть сам по себе или включаться кем-то. Или чем-то. Или где-то.

– Значит, нас могли втянуть сюда специально? – встряла Тома, следуя своим мыслям. Представляю, что там за мысли. Точнее, не представляю. Нормальному существу мужского пола с практическим складом ума ее никогда не понять, проверено. – Зачем? А главное: как попасть обратно?

Зверский оскал Малика стал еще шире, обветренные щеки пошли трещинами-бороздами, как ледоход по весне:

– Обратно? Зачем обратно?

Возмущению Тома не было предела:

– Как это «зачем»?!

– У него спроси, – с хитрецей в глазах джигит перевел стрелки на меня.

Я понял, на что он намекал.

– Если верить книгам...

– Если! – весомо взмыл указательный палец Малика.

Я учел претензию и не стал спорить:

– По книгам в чужом мире попаданцы всегда умнее и сильнее. В конце они обычно становятся вождями, императорами, богами.

– Вот, – Малик кивнул, – хотя упорно стремятся восвояси. Ты, – узловатый палец уперся в Тома, – хочешь стать императрицей?

– Почему нет? – Она засияла смущенно и задорно. И очень заразительно, обеспечив улыбками всех, включая стонавшего Шурика.

– А богиней?

– Еще бы!

– А домой?

Как булыжничком по макушечке. Тома потускнела:

– Как нам вернуться?

Она бережно промакнула тряпкой ногу Шурика. Кровь не останавливалась.

Послышался новый шум, мы одновременно обернулись.

Всадник. С мечом. В легких кожанометаллических доспехах, с приоткрытыми ногами в поножах. Руки защищены по локоть, начиная от запястья. За спиной – небольшой круглый щит. Шлем ничем не закрывал загорелое волевое лицо.

Все-таки мы в прошлом. Мозги вскипели, пытаюсь идентифицировать эпоху. Перед нами – не рыцарь, те одевались в железо полностью. А конь – уже со стременами. Получается, нас перенесло в мир, отставший от нашего лет этак на тысячу-две.

Но если здесь не Земля в нашем понимании... Ох, сколько книг и фильмов вспомнилось, где совмещаются рыцари и современная техника, магия и звездолеты, драконы и пушки.

Всаднику охрана салютовала копьями и своей непонятной «Калевалой». Он принял приветствие поднятой рукой.

Шурик приподнялся на локте, пытаюсь разглядеть происходящее, Малик и Тома встали, и я вслед за ними. Томина рука нашла мою и крепко сжала. Учитывая габариты Малика, мы смотрелись как родитель с непутевыми чадами, которые неудачно выгуляли собачек. Вот, дескать, и случайному прохожему досталось. А вы, люди добрые, проходите себе мимо, сами разберемся...

Вышколенная коняга сделала несколько шагов вперед, на сено. Всадник нас не боялся.

– Вас два и два? – Голос был громким и отчетливым. – Не немцы? Общий язык разумеете?

Как говорил дедушка, интересно девки пляшут. Немцы – наверняка в устаревшем смысле, а не то, что сразу приходит в голову. На местных-то, надеюсь, фашисты в сорок первом не нападали.

– Общий язык, слышали? – прошептала Тома. – Тоже русский, как у нас. Мы в древней России?

– Тогда уж в Руси, – поправил я. – Или в Гардарике. Или в Орде. Или в какой-нибудь Гиперборее. Я читал много теорий...

– А два и два – это как?

– Думаю, он говорит про взрослых и детей, – ответил Томе Малик. – Двое нас с Шуриком, и вы, тоже двое.

Пышущая гневом Немезида в Томином обличье прошипела, испепеляя взглядом:

– Я не ребенок!

Мнение пятнадцатилетней девочки интересовало Малика как хомья телереклама отбеливателя. Он провозгласил в сторону леса:

– Разумею. Да, нас два и два, один взрослый сильно ранен, нужна помощь. Мы с Земли. Россия. Двадцать первый век.

Его слова еще грохотали над долиной, когда снизу послышалось тихое:

– Ты хоть и кацюк, но совершенно не умеешь делать гешефт.

– Что? – не сообразил Малик.

– Кто? – одновременно переспросил я.

– Говорю: ума палата, только ключик потерялся. Твое дело узнавать, а не сообщать, информация – главная ценность. А то и жизнь. – Затем Шурик соизволил ответить мне: – Кацюк – от «кацо», так иногда товарищей «кавказской национальности» называем. Негатив в этом определении можете искать с тем же успехом, как пульс на мумии.

– Имена и прозвища! – потребовал всадник.

– Говорить? – тихо осведомился Малик.

– Можно. Только не паспортными данными, никаких фамилий, явок, паролей. Как-то помягше. Сыграй им наши ники как вкусный борщ.

– Я – Малик, – представился Абдул-Малик. – Раненый – Шурик. А это, – его испачканное кровью узкое лицо мотнулось назад, в нашу с Томой сторону, – Чапа и Тома. А вы кто?

Ответа не последовало. Вместо него раздалась команда:

– Чапа и Тома, подойдите.

Машинально начав движение вперед, мы врезались в чугунный шлагбаум приподнятой руки Малика.

– Сначала назовитесь, – непререкаемо объявил он всаднику.

Тот проигнорировал:

– Чапа и Тома, вы слышали?

Знаете, как работает паровоз? Раскочегаренный котел закипает, его распирает изнутри, и высвобожденная мощь толкает всю махину вперед... Я не дал нашему единственному защитнику вспылить, мой выкрик успел предотвратить непоправимое:

– Не пойдем, пока не назоветесь и не скажете, что собираетесь с нами сделать.

Мои слова, как ни странно, подействовали.

– Я – царевич Гордей Евпраксин. Вы – долгожданные гости. Я обеспечу достойные трапезу, наряд и защиту в пути. В башне ждет торжественный прием. – Продолжение последовало совсем нормальным тоном, по-свойски: – Не бойтесь, идите сюда. Не представляете, как мы вам рады.

– Ух ты, царевич! – У Томы засияли глаза.

Впрочем, для принца на белом коне, который живет в грезах каждой девчонки, этот наследник престола был староват, неказист, да и конь не вышел ни цветом, ни ростом.

– Идти? – шепнул я.

– А что остается? Условие он выполнил.

Малик был логически прав, но копейщики на заднем фоне не излучали радость гостеприимства. Что-то в происходившем было не то, хотя опасность больше не ощущалась.

– Идите. – Малик подтолкнул нас в спины. – Я прикрою.

Мы двинулись к всаднику – шаг за шагом, стараясь не упасть на проминавшейся тверди, иногда помогая друг дружке. Малик закрыл собой Шурика, но стойка показывала: в любой миг он готов прыгнуть вперед и драться за любого из нас до последнего вздоха.

Из леса вышли еще три копейщика – плюсом к пяти присутствующим. Когда наши стопы коснулись нормальной почвы, они построились в ряд, уперев копыта в землю, и чуточку присели. Станный, но вполне понятный жест почтения. Вроде микро-реверанса.

– Алехвала! – гаркнули сразу восемь глоток.

Вот она какая, «Калевала» с ударением на последнем слоге.

Царевич спрыгнул с коня, голова в шлеме чуть склонилась в приветствии. Комплекцией он мог посоперничать с Маликом. На вид – лет тридцати-сорока, не очень разбираюсь в возрасте взрослых. Темная бородка. Острый взгляд светлых глаз. Мягкие сапоги в обтяжку. Прикрытые пластинами голые ноги торчали из-под кожаной юбки, обшитой прямоугольниками грязно-зеленого металла. Выше – тоже металл и кожа. Шлем оторочен мехом, сзади украшен пушистым хвостом вроде волчьего. На перевязи – меч, на поясе – вычурный длинный нож, за плечом – небольшой щит. Такой вот царевич, помесь древнего грека с Чингисханом. Даже с учетом его приветственного поклона мы с Томой едва достали бы ему до стальной груди.

– Что они сказали? – спросил я Гордея.

– Не знаешь? – Удивление граничило с недоверием. – Впрочем, да, вы же там многого не знаете.

Торжественная часть закончилась, строй копейщиков распался.

– Это вам.

По знаку Гордея нам подали халаты в чередующихся нежно розовых и фиолетовых полосах. Раскраску легко было принять за клоунскую, если бы горло царевича не спасал от натирающих латами воротник в таких же цветах.

– Одежда должна соответствовать и указывать, – типа что-то объяснил нам царевич.

– Чему соответствовать? – с радостью что-то навоображала себе Тома.

– Куда указывать? – одновременно насторожился я.

– Не куда, а на что. На то, что вы теперь со мной.

Ткань халатов не шла ни в какое сравнение с предыдущей колючей дерюгой. Нас церемонно облачили в них двенадцать рук. Общими стараниями пояски были бережно завязаны, наши ноги вставлены в мягкие тапочки без задников, вроде восточных чувяк. Думаю, нам принесли тапки, а не сапоги, потому что не знали размеров ног. Если так пойдет дальше, то и сапогами обеспечат, и...

Уф, фантазия разыгралась не хуже чем у Тома. А почему, собственно, нет?

Закончив с нами, безликие воины склоненно отступили под деревья. Подумалось: не издеваются ли? Может, мы вправду в придуманном мире, где сбываются мечты?

Воспоминание о собаках развеяло бредовые мысли. Я вскинул взгляд на Гордея, этакий взгляд равного. Вот что с нами одежда делает.

– Теперь, наверное, пора заняться нашими друзьями?

Добродушно улыбнувшись, он успокаивающе проговорил:

– Не волнуйтесь, с ними все будет хорошо. Их убьют быстро.

Глава 5

На веревочных поясах «ку-клуks-клановцев» висели не световые мечи. Даже не обычные. Даже не мечи. Это были дубины: корявые, плохо выструганные, массивные. У двоих – топоры. С другой стороны пояса у каждого болтался нож, тоже не ахти какой выделки. За плечами – мешки с тесьмами, похоже на рюкзаки. Сейчас мешки лежали полувыпотрошенными около костра с булькающим котлом. Запах съестного одурял.

Пообедать предстояло не всем. Двое остались с нами, а шестеро, посланные движением пальцев царевича, полезли на сено. Копья вперед, дубинки наготове. Как белобалахонщики управлялись копьями, мы уже видели. Приблизившись к пилотам метров на двадцать, откуда бросок копья становился безошибочным, солдаты приготoвились.

– Стойте! – Я схватил царевича за руку, будто это могло помочь. – Не смей!

– Да! Стоять! – истерично подхватила Тома.

Странно. Копейщики замерли. Они нас слушались. Неужели мы настолько важные? А если...

– Назад! – рявкнул я как можно более грозно.

Никакого эффекта.

– Так надо, глупые. Смиритесь, – отеческим тоном произнес Гордей. – Вы же не маленькие, должны понимать слово «надо».

Воины получили повторную отмашку.

– Нет! – заорал я.

Вновь копья остановились в миге от полета. Царевич занервничал.

– Знаете, что такое закон?

– Убивать невиновных – закон? – возмутился я. – У вас нет заповеди «не убий»?

– Заповедь гласит: «Не убий, если это не враг, посягнувший на твою жизнь, семью и родину». У вас не так?

Я смешался.

– Ну... если по смыслу... Но Малик с Шуриком не враги!

– Так думается в силу возраста. Многие годы одна за другой происходили ненужные беды, пока сама Алла, да простит Она нас и примет, не явилась в мир и не дала людям Закон.

– Нет такого закона, чтоб людей убивать, – вклинилась Тома.

Она покраснелась, напрягшиеся пальцы приготoвились вцепиться в глотку противника, если тот посмеет еще раз выговорить смертельный приказ. Она даже придвинулась ближе, коленки согнулись, как у воинов в недавнем приветствии, но это была подготовка к прыжку.

Взъерошенный воробушек рядом со львом. Небрежным взмахом руки царевич переломит Тому, просто вытирая пот со лба.

– Закон, говорите? – перетянул я внимание на себя. – Огласите. Я послушаю и скажу мнение.

– Это правильно, – не стал спорить Гордей. Прикрыв глаза, он продекламировал: – Алле хвала! Алле хвала! Алле хвала! Я отдаю настоящее и будущее Алле-всеприсутствующей, да простит Она нас и примет, а прошлое и так принадлежит Ей. Если я встречу ангела, я стану ему другом и помощником. Я отведу его в крепость. Я отдам жизнь за него не задумываясь. Если я встречу Падшего, я убью его. Ангелы милосердны. Они всегда пытаются спасти Падших. Мне нельзя проявить слабость. Слабый человек – мертвый человек. Слабое общество – мертвое общество. Быть слабым – предательство. Побороть искушение. Отказать ангелам ради них же. Исполнить Закон. Не слушать ангелов. Не слушать истории ангелов. Не спрашивать о Том мире. Кто слушал, да будет вырван его язык или отсечена голова. И да будет так. – Глаза царевича открылись, взор был задумчив, но непреклонен. – Это называется «Молитва встречи

снизошедших» или просто «встречная» молитва. Именно для нашего случая. Не зря Алла-всезнающая, да простит Она нас и примет, обязала каждого с детства учить «встречку»: и низкорожденного крепостного, и благородного свободного семьянина. Теперь не мешай закону свершиться.

Я стоял справа.

– Слева!

Мой крик ошарашил всех. Тома испуганно шарахнулась, царевич же бросил правую руку налево – к рукояти меча, лицо на миг отвернулось от меня:

– Где?

В одно движение нож с открытой стороны его пояса перекочевал в мои руки.

Гордей все понял. Хохот сотряс окружающий кустарник.

– Не смейся. Будь ты хоть тысячу раз ангелом, что может нож против меча?

– Чапа, ты что? – только и вымолвила Тома.

Испуганно сглотнув, она двинулась не ко мне, а к Гордею. Умница. Помирать, так с музыкой. Вдвоем у нас шансы справиться с ним не нулевые, а почти нулевые, это уже кое-что. Не знаю, как насчет подраться, а царапается Тома отменно.

– Ты меня убьешь? – полюбопытствовал я у царевича.

– Никогда. – Он снисходительно улыбнулся. – Кто отважится убить ангела – недолго проходит под солнцем.

Как же приятно быть ангелом. Ошибочка: когда тебя считают ангелом.

– Тоже закон?

– Еще какой.

– Тогда думай головой. – Я перенес нож к своему горлу. – Моя жизнь зависит от моих друзей. Умрет кто-то из них – умру я.

По горлу покатилась капелька: нажим получился больше, чем хотелось. Зато эффект потрясающий.

– Я обязан их убить! – взмолился Гордей.

Снисходительность и запанибратство как слизало. На кону оказалась жизнь. Его жизнь.

– Убив их, убиваешь меня. Убив меня, убиваешь себя. Думай, голова, думай.

– Этого закон не предусматривает!

– Значит?

– Нужно подправить закон, – внесла лепту доньне заворуженно внимавшая Тома.

– Никто не смеет подправлять закон! Тогда он перестанет быть законом.

– А в виде исключения? – не унималась Тома.

Напряжение схлынуло. Забрёзжил лучик надежды, он быстро превращался в лазер и выжигал изнутри череп нашего оппонента.

– Закон, который допускает исключения – не закон! – Меч царевича ухнул в ножны, ладони сдавили виски под шлемом. – Сказано же: не слушать ангелов...

– А кто слушал, да будет вырван язык или отсечена голова, и да будет так! – язвительно процитировал я.

Концовки всегда запоминались мне на ура.

– Хорошо, – взял себя в руки царевич, – предлагаю компромисс. Мы берем чер... ваших друзей с собой в башню. Пусть решает царисса.

– Не только берете, но и отвечаете за жизни, – закрепил я успех.

«Царисса» несколько смутила, оцарапав ухо, но после «Аллы» в женском роде новые слова воспринимались пародиями знакомых.

– Принято, – признал царевич. – Раненого возвращаем к жизни и несем.

– Идет, – кивнул я.

Гордей горестно выдохнул.

– Эй! – он подал знак солдатам. – Это... друзья. Пока. До решения цариссы отвечаем за них как за ангелов.

– Кстати, ножик на всякий случай останется у меня, – с намеком объявил я царевичу.

– И мне ножик! – Тома вихрем домчалась до обалдевшего воина, что стоял ближе всех.

Отобрав нож, она жестом показала Гордею отрезание головы и задорно подмигнула.

Глава 6

Туземцы и пришельцы собрались вокруг котла в одну не очень теплую компанию. Потрескивали дрова, плыл аромат Еды – уже не важно какой, лишь бы быстрее. Воздух наполнился мошкаррой, не слишком, впрочем, досаждавшей. Пряный дым заполонил пространство между деревьями так, что глаза слезились. Ветер отсутствовал как явление, солнце жарило. В общем, погода и обстоятельства способствовали началу налаживания межмировых связей.

Царевич расположился на земле вместе со мной и Томой. Малик тоже сидел рядом, но связанный. Ради остальных согласился – другого выхода ни ему, ни нам не оставили. Шурик возлежал на носилках, их для него соорудили из двух копий и нескольких поперечин из веток. Вместе с другом он выслушивал новости. Когда прояснилось, что в местном понимании наши два и два оказались ангелами и как бы наоборот, они с Маликом переглянулись. Затем горец огорошил, глядя на царевичью конягу:

– Это не наши лошади. Или вообще не лошади.

Других специалистов-зоологов среди нас не нашлось, мы просто поверили. Когда меня учили кататься верхом, лошадь была примерно такая же: низкая, крепкая, поэтому я разницы не видел.

Руки Тома, выполнявшей роль санитары, выглядели ужасно. Как и лицо, которого непроизвольно касались руки, когда вытирали пот или поправляли волосы. Как и волосы.

Я выглядел не лучше.

– Досталось вам. Выжить без оружия при нападении такой стаи... – Царевич покачал металлическим куполом, снять который за импровизированным столом не удосужился. – Это потому, что кладбище рядом. Далеко волки такой ордой не ходят, прокормиться трудно.

– Волки? – Тома первой возмутилась против явной нелепости. Собаки были большие, неухоженные, но именно собаки. В них, в отличие от лошадей, мы все разбирались, с дикими сородичами не спутаем. – Это собаки. Наверное, бродячие. Вон их трупы!

Гордей непонимающе посмотрел.

– Это волки. Кто такие собаки? – Он вдруг осекся и сам себя перебил: – Не надо! Не рассказывайте!

– У нас их зовут собаками, они живут в домах и во дворах, охраняют и являются лучшими друзьями человека, – четко сформулировала Тома.

Как первокласснику. В ее понимании царевич из прошлого был тупым, как заглочившая «Винда».

А у царевича отлегло от сердца.

– Вы о псах, – сообразил он. – Говорят, волков приручают, это и есть псы. Рассказывали, что в лесах... Неважно. Сам я ни одной не видал. Думал, что это сказки.

Он стал смотреть в огонь. Волки-собаки, они же псы, его больше не интересовали.

– Почему не перебьете всех этих со... волков? – проявила Тома природное любопытство.

– Рады бы, но всех нельзя, – вздохнул Гордей. – Когда волки чересчур расплодятся, проводятся большие облавы, но обычно просто охотимся на мех и шкуры.

В качестве примера он повертел перед нами головой в шлеме с хвостом. Собачьим, как выяснилось. Капец романтике. Как жить дальше?

Напрягало, что Гордей не снял шлем. Рядом охрана, мы на привале, у костра. Он чего-то боится? Ну вот, а я расслабился. Нельзя расслабляться, как говорится в бородатом анекдоте.

– Не пойму, почему они напали на вас, – задумчиво продолжал царевич. – Троих уже не трогают, а вас прибыло четверо. Одному гулять вредно для жизни, двоим опасно, а трое с оружием, не говоря о большей компании, остановят любую стаю. Нужно сомкнуться спинами,

больных и слабых – внутрь, оружие вперед и замереть. И стоять, не шелохнувшись, пока волки не налягутся всласть и не уберутся с дороги. Запомнили? Это азы выживания.

– Запомнили, – сказал Малик.

Царевич нехорошо поморщился, но смолчал.

Я сообразил: попав сюда, в чужой мир, с первой же секунды наша четверка все время распадалась. Всего-то требовалось держаться вместе. Век живи, век учись.

Гордей вновь обернулся к нам, «ангелам».

– Там – озеро. – Он указал на гигантские развесистые ветви чуть в стороне. – За деревом, в низинке. Смойте грязь и кровь. Помоетесь сами, или вам выделить мойщиков? – Его жесткие губы скривились, борода надменно выпятилась: – К сожалению, здесь только бойники. Прошу простить, не хотелось бы, чтобы их грязные лапы...

– Конечно! – в унисон воскликнули мы с Томой.

И, переглянувшись, подавились смешком.

– Не переживайте, мы ценим вашу заботу, – дипломатично объявил я. – Естественно, мы помоемся сами. Только сначала позаботимся о друзьях, их раны...

– О них не беспокойтесь. Озеро маленькое, ангелам должна достаться чистая вода, поэтому остальные отправятся туда после вас. Раненого принесут. Вот, возьмите еще. – Из лежавшего рядом мешка Гордей вынул розово-(кто бы сомневался)-фиолетовые шаровары, прикинул на глаз, подойдут ли нам по размеру, затем протянул вторые такие же. – Свои тряпки бросьте на берегу, их заберут. Идите. Я выставлю охрану по кругу, вдруг снова волки или... – Оборвав сам себя, он покосился на нас и почти приказал: – Идите же.

– Мм... – замялась Тома.

– Иди первой, – предложил я.

– После тебя, – не согласилась она. – Гляну, что там с Шуриком. С повязок опять капает.

Озерцо оказалось малюсеньким и мелким. Не озеро, а, скорее, большая лужа метров пяти в диаметре. Чтобы добраться до воды, пришлось спуститься по заросшему травой крутому склону на метр-полтора. Словно в воронку от мощного снаряда.

Прежде, чем раздеться, я осмотрелся. Где-то рядом стояли охранники, но мне снизу не видно их, им сверху – меня. Если тревожные ожидания Гордея оправдаются, и кто-то нападет, мне придется долго выбираться на «большую землю» и разбираться там, что к чему.

Дно обжигало холодом из бьющего ключа. Кожа млела, с невыразимым восторгом освобождаясь от пота, грязи и крови, руки терли и скребли. Нижняя половина тела начала подмерзать. Я торопился, но не потому, что мерз, а чтобы очередь быстрее дошла до раненого. Одеваясь, жилетку и штаны я, как приказали, оставил в прибрежных кустах. Выданные цветные шаровары оказались необъятными – они удержались только при затягивании вшитой тесьмы на животе. Поверх халата я приладил на пояс отобранные у царевича ножны для отобранного еще ранее ножа, Гордей отдал их без возражений. А бойник ворчал, когда Тома снимала с его талии узкий кожаный футлярчик. Потом ворчал второй, чей нож забрал себе царевич взамен того, который он отдал мне.

Вставив подмерзшие ноги в обувь, я шмыгнул назад. Гордей что-то выспрашивал у Тома. Ее лицо сосредоточенно замерло, пальцы перебирали и потирали друг друга, ступня кружила по примятой траве. Радостный вскрик возвестил мое появление, и Тома умчалась к долгожданной воде.

Царевич указал на место рядом с собой.

– Сколько вам зим?

Мне стало смешно.

– Лет?

– У вас так? – Гордей осекся и кивнул, не собираясь выслушивать объяснения.

Ну, еще бы. «Не слушать ангелов. Не спрашивать о Том мире. Кто слушал, да будет вырван его язык или отсечена голова». Чудесный закон.

– Мне пятнадцать... – увидев, как взлетают брови царевича (дурак, он же сейчас Тому опрашивал), я быстро закончил: – почти. А Томе уже.

– А как со здоровьем?

– Ничем не болеем. А что?

– Это прекрасно. Читать умеешь?

– Естественно.

– Прочти.

Он протянул кусочек кожи с начертанной витиеватой кириллицей фразой «Алле хвала».

– Алле хвала.

– А сколько бойников в моем отряде?

Бойниками, как уже стало понятно, он называл копейщиков в белых балахонах.

– Восемь. – Я сразу поправился: – Без командира.

– А если бы их было в три раза больше?

– Двадцать четыре.

Мгновенные ответы, выданные без раздумий, вызвали почти детский восторг:

– А если половину убьют?

– Двенадцать.

Довольная улыбка расплылась по бородатой физиономии царевича:

– Вас ждет великое будущее.

Если это экзамен – мы попали куда надо. Здесь я интеллектуальный Гулливер среди лилипутов, Эйнштейн и Перельман в одном флаконе. А помимо таблицы умножения я знаю когнитивный диссонанс, осциллограф, косинус, адронный коллайдер и много других умных слов.

По траве зашлепали шаги: вернулась Тома. Чистая, довольная. Бойники понесли к воде матерившегося Шурика, он требовал не кантовать, а бросить и дать умереть спокойно. И Малика захватили – мыться и помогать мыть Шурика.

Местные жители оказались мастерами на все руки. На костре, с которого уже сняли котел, некоторое время прокаливались бронзовые иглы, затем из мешка достали чем-то пропитанную вонючую нить. Отмытого Шурика водрузили на место и принялись споро зашивать ему рваные раны, не обращая внимания на вопли и конвульсивные дергания.

– Если это медицина, тогда что такое бардак? – орал Шурик. – Они делают мне так хорошо, как я бы им сделал на голову с тем же удовольствием. У них есть антибиотики?

– Есть кое-что лучше, – хмыкнул наблюдавший за процессом Малик.

Раны присыпали пеплом и каким-то травяным порошком из мешочка.

В момент особенно сильного крика Тома не выдержала. Ее колени опустились возле головы несчастного, ладони взяли бесновавшегося пациента за щеки, лицо склонилось, а губы... Губы впились в неистовствовавший рот, вмиг смирили, обняли, впитали, успокоили... и еще раз нежно поцеловали на прощание.

Тома виновато оглянулась на меня:

– Он так кричал...

Я пожал плечами. С какой стати осуждать, кто я для этого? И если быть честным, отказался бы сам от такой же анестезии?

Малику на время мытья развязали руки, правда, приводить себя в порядок ему пришлось под направленными в лицо копьями бойников. Он сделал себе перевязку с небольшим количеством местного обеззараживателя. Его вновь связали.

Отходивший от операции Шурик теперь с видом усталого патриция возлежал у костра.

– Что скажете за наше прошлое? – полюбопытствовал он. – Мы же в прошлом? Я, конечно, бываю местами поц, но не настолько, чтобы брать халоймыс на постном масле.

– Переведи, – попросил я.

– Да, ерунда. Еще имею сказать, что хороший тухис тоже нахес.

– Тоже переведи, – вновь потребовал я.

– Да, – включилась и тут же смущенно выключилась из разговора Тома.

После внезапного порыва она старательно не смотрела в сторону одессита.

Ей Шурик отказать не смог. И тоже смутился.

– Это типа поговорки «горе не беда». Типа не беда, а даже как бы наоборот. Не беда.

Горе. Да.

Тут Шурик увидел подтаскиваемый ему под бок долгожданный котел:

– Что у нас на жидкое?

Это была каша. Какая это была каша! Дома я нос воротил, считал несъедобной. Любую. Как же я ошибался!

Ели прямо из котла. Деревянными ложками. В две смены. Мы, четверо пришлых плюс Гордей, затем, оттащив котел от раненого, бойники.

– А мяса здесь не водится? – Быстро насытившийся Малик поводил ложкой в котле, разыскивая что-нибудь более основательное.

– И я бы не отказался, – мечтательно закатил глаза Шурик.

Перед его мысленным взором материализовался, шкворча и брызгая одуряющим ароматом, роскошный шашлычок. Даже я увидел. Мало того, я ощутил запах, вкус и игру солнечных бликов на живущих одним мигом сгорающих капельках жира.

Бойники, к тому времени достаточно доброжелательно относившиеся ко всем нам, отшатнулись.

– Мяса?!

– Одно слово – черти, – презрительно и безысходно махнул рукой Гордей. Потом он глянул на солнце. – Наша задача – дойти до башни без ночевки. Запас времени пока есть, но лучше поторопиться.

Зашаркали обиваемые от налипшей грязи ноги кого-то из бойников – он отправился к злополучному дереву с вещами и флагами. Через минуту второй флаг был спущен, отныне над лесом гордо реял один первоначальный.

Остальные бойники тоже поднялись. Они восстановили набор первой необходимости для снизошедших ангелов, остатки провианта и котел уложили в мешки, в другие упаковали добычу в виде шкур – не пропадать же добру. Бойники взвалили поклажу за плечи, и колонна двинулась сквозь лес.

Четверо несли Шурика, еще один приглядывал за Маликом, который при всем желании ничего не сделал бы со связанными руками. Конец длинной веревки охранник намотал себе на руку. Еще один плелся позади меня и Тома. Двое шли сбоку по сторонам, следя за окрестностями. Царевич то вырывался вперед, то отставал, то грациозно гарцевал рядом с нами.

– Сверху! Сюда!

Крик издал бойник левой стороны. Как он разглядел что-то в непробиваемой листве чащи, осталось неизвестным. Наверное, жизнь заставила. Точнее, навязчивое нежелание умереть.

Если бы сверху была опасность, команда, я уверен, последовала бы другая. Дерево, куда указывал сигнальщик, окружили. Три бойника разошлись спиралями, прочесывая округу, остальные заняли круговую оборону.

Больше никого не обнаружили.

– Спускайтесь! – громко объявил Гордей в густую листву.

Их было двое. Парочка в нежном возрасте, но однозначно старше меня и Тома. Сначала они сбросили нехитрое имущество – две холщовые котомки, затем спрыгнули сами. Оба в самопальных кожаных сандалиях, девушка – в штанах и жилетке из типичной для здешних

мест серой дерюги, парень – в балахоне до колен. Я даже сказал бы, что в сарафане, если бы он не был парнем. Оба – светловолосые, светлокожие и какие-то светящиеся изнутри. Так показалось. Наверное, потому, как они бережно относились друг к другу и как смотрели влюбленными глазами. Со страхом, практически с ужасом от того, что их заметили, и притом – с любовью. Которая выше страха и прочего. Они мне понравились.

Их заключили в кольцо из копий, один из бойников вырвал у них из рук котомки и грубо выпотрошил. Внутри оказались продукты и дырявое покрывало. Одновременно парня опрокинули наземь, лицом в землю, сарафан сорвали. Вспомнилось: у древних греков такой мешок без рукавов с отверстиями для рук и головы назывался туникой. Вот и здесь без той простейшей конструкции не обошлось. Где «здесь»? Хороший вопрос. Правильный вопрос. Просто чудесный. Полжизни отдам за ответ.

Нет, столько не отдам. Еще чего, полжизнями разбрасываться. Но что-то отдал бы наверняка. Жаль, что ничего нет, кроме чужого ножика. Ау, люди, кому ножик за раскрытие мировых тайн? Хороший ножик!

Девушка отстранилась от едва не осуществленной «услуги» бойника, она сама приспустила рубаху чуть ниже плеч и отвернулась.

Оба загровка украшали татуировки: три дерева. Бойник, осмотревший их вблизи, согласно склонил голову.

– Наши.

Все оглянулись на царевича.

– Знаете закон? – осведомился он высокомерно, всем видом выражая недовольство разговором с низшими.

Девушка кивнула:

– Крепостные не могут самостоятельно покидать землю, не перейдя в иное сословие.

– Наказание?

– Смерть.

Гордей задумчиво спросил:

– Причина настолько серьезна?

– Его, – девушка указала на парня, – захотела взять в мужа войница Клавдия. Назначили помолвку. А мы любим друг друга!

– Клавдия – хорошая войница, – проговорил царевич, вышагивая по полянке.

Окованные металлом ноги совершали пять шагов в одну сторону, там замирали, потом Гордей медленно разворачивался и столь же не торопясь шел обратно. После четырех томительных циклов, когда общие нервы звенели и потрескивали от напряжения, последовало продолжение:

– Клавдия – завидная партия. Ее внимание нужно заслужить. В мужа – вообще дорогого стоит. Вы сделали неправильный выбор. Назовитесь.

– Ива, – сообщила девушка. – И Хлыст.

Оба несчастных не смели поднять глаз. Отвечали они, буровя взглядом сандалии, достойные скорее помойки, чем живых людей. Впрочем, говорила пока только девушка.

– Закон надо исполнять. – Указательный палец царевича выбрал двоих солдат. – Вы, на счет три. Один, два...

– Стойте! – завопила Тома.

По ее щекам текли слезы.

К сожалению, добавить ей было нечего – сила и местный закон на чужой стороне.

– Почему? – едко отозвался царевич.

Здесь он в своем праве. Ему осталось лишь посмеяться над нашими потугами на милосердие и справедливость, как мы их понимали.

– Неужели проблему нельзя решить по-другому? – я тоже решил попытать счастья. – Хорошие работники не нужны?

– Закон. Двое преступников по твоей милости до сих пор живы, других не будет.

– Тогда мы отказываемся от вашего гостеприимства. Приятно было познакомиться, до свидания. Мы уходим.

Я взял Тому за руку, и мы вполне серьезно зашагали себе в неизвестность. Лес – большой, редкий, чего не идти докуда дойдем...

– Стойте! – раздалось вслед.

Трюк сработал. Мы остановились.

Чем обрадуют?

– При согласии оставить двух новых преступников в живых, – сказал Гордей, – вы со своей стороны поклянетесь спокойно, без новых заскоков и накладок, проследовать в башню?

Да чем угодно!

– Клянусь!

– Пусть она тоже скажет, – показал он на Тому.

– Клянусь! – заверила та.

– Хорошо, – расплылся царевич в улыбке и воздел руки. – Во исполнение своей части договора я оставляю Иву и Хлыста в живых. Пусть чистоту моих помыслов видит Алла-сокрушительница, справедливая и суровая, да простит Она нас и примет. Клятвы царевича достаточно?

Возвышенное обращение по вертикали в финале сменилось на горизонталь, окружавшую Гордея в нашем лице.

– Да.

– Отлично. – Он повернулся к бойникам. – Связать и оставить. Поторопитесь, мы спешим.

– Они не проживут и суток, – неожиданно подал голос один из копейщиков.

Гордей одарил его взглядом, заставившим споткнуться. Кажется, по возвращении у бойника будут проблемы.

– Царевич свое слово держит? Исполнять.

Точка поставлена. Я обреченно глянул на Малика. Тот в меру возможности развел руками. За наши жизни он рискнул бы побороться хоть с дьяволом, но рисковать всем за чужие? Тома снова хлюпнула носом.

Бойники размотали веревку, обреченных толкнули друг к другу – как последнее утешение, ведь иных указаний не было. Связанную в последнем объятии парочку положили на траву. Каждый знал: не пройдет и дня, если не часа, как их найдут собаки. Точнее, волки, так теперь нужно говорить.

Мы понуро двинулись вперед. Не оглядываясь.

Бойники ступали неслышно, только копыта глухо стучали, вбиваясь в почву, да мы с Томой ломились сквозь зелень подобно бронетранспортерам, решившим срезать путь через торговые ряды деревенского рынка. Сто шагов... двести...

Скорбную тишину нарушил я. Криком.

– Где восьмой?!

– Стоп! – скомандовал Гордей.

Процессия замерла.

– Ты нарушил слово! – накинулся я на царевича, едва сдерживая наворачивавшиеся предательские слезы. Ноги запутались в тапках, губы в паузах сжимались и дрожали: – Даже из милости ты не имеешь права убивать их! Хоть маленький, но у них был шанс!

– Шанса не было, – буркнул Малик, в свое время внимательно отслеживший действия вязальщиков.

Взгляд царевича ошалело пробежал по отряду.

– Вы, четверо, – покрытая металлом ладонь ткнула в носильщиков Шурика, – быстро назад.

Не договорив, Гордей сам развернул коня. Мы с Томой помчались сквозь лес за ним, и нас никто не удерживал.

Глазам предстала картина: Гордей гарцевал вокруг окровавленного тела бойника, нанизанного на копье, вставленное в ямку. Маска-колпак валялась далеко за деревьями, бородатая голова безвольно болталась. Балахон был задран по шею, отчего почти не пострадал. Штаны в одеянии павшего воина не предусматривались, их заменяла юбка вроде шотландской, только одноцветная.

Парочка исчезла. Из травы любопытными змеями торчали обрывки веревки.

– Кто это? – надменно бросил царевич подбежавшей четверке.

Один из бойников приподнял свешенную голову за волосы.

– Третьяк с Понизовки.

– Казенное имущество не испортил, семью не потревожу. Снимите.

Бойники поняли его правильно. Не как я. В один из мешков убрали чуть окровавленную вещь – бережно стянутую и заботливо свернутую, лишь после этого из тела выдернули древко с обтекающим красными каплями наконечником. Оставшееся тряпье тоже не забыли.

– Не понимаю. – Тома схватила Гордея за стремя. – Что произошло?

– Освободил, стервец. Вернуться после такого не мог, бросился на копье.

– Какое самопожертвование... – Томины глаза застило влагой. – А мы...

Бойник, вытиравший копье, небрежно бросил:

– Это Ивкин батька. Я тоже с Понизовки. У них единственная дочка была.

– Беглецов искать не будем, – решил царевич, покосившись на меня. – Волки найдут. Во всяком случае, я слова не нарушил.

Он повернул коня назад.

– А похоронить? – не удержался я.

Гордей поиграл желваками, глаза на миг сыграли в прятки.

– Похороните, – упало нехотя.

Обобранное догола тело взяли за руки-ноги и привалили к дереву. Голова осталась свешенной на грудь, а сложенные ладони упокоились на животе. Сверху накидали веток.

Вот и вся церемония. Раздалась команда:

– Возвращаемся.

Могу ошибаться, но, по-моему, похоронная команда посмотрела на меня с благодарностью.

Да, здорово быть ангелом. Даже царевич не мог сказать мне «нет». Ангельские права меня полностью устраивали, осталось выяснить, каковы обязанности. Не здесь ли собака... извиняюсь, волк зарыт?

Глава 7

В оставленном лагере ждал сюрприз.

– Он же черт, – оправдывался бойник, отирая разбитое лицо. – Как сиганет... Лбом – в нос. Я и вырубился.

Ни маски, ни балахона на нем не было. Ничего, включая портупею с ножом и дубиной. И копыя. И мешка с провиантом. Только рубаха и юбка – как на самоубившемся. Видимо, это особенности местной моды.

Малик сбежал. Еще два копейщика потирали ушибленные места. Все были живы и в меру здоровы.

– Черт. Одно слово – черт! – твердили они.

– После этого, – царевич мотнул головой на устроенный разгром, – думаете, я еще раз нарушу закон и сохраню жизнь ему? – тяжелый взгляд остановился на Шурике.

Я достал нож и молча приладил к недавней ранке на шее. Кожа горла под острием страшно ныла. Чесалась. Не знаю, хватило бы у меня духу решиться. Но что-то толкало. Какая-то лютая неприязнь к происходящему.

– Ты слишком мало ценишь свою жизнь, – свысока (во всех смыслах) бросил царевич.

– А ты чужую.

В ответ с коня раздался переполненный яростью вздох.

– Ладно, – донеслось через некоторое время – Только до башни. И забыть вас, как страшный сон. – Гордей прикрикнул на бойников: – Подъем! Ты, раззява, надень вещи Третьяка, ему больше не понадобятся. Вперед!

Дорог в лесу не наблюдалось. Даже тропинок. Мы тащились меж деревьями, ломая мелкие заросли и обходя крупные. Неужели здесь никто не ходит? Но где-то же ходят? Интересно, где.

Погрузившаяся в мысли Тома передвигалась как робот, который пытается понять, чем могут сидеть птичка и свитер, а меня мучил информационный голод – насчет разного конкретного и как оно все вообще. Распираемый вдрызг, я нагнал Гордея.

– Можно вопрос?

– Уже.

– А еще один?

Молчание – знак согласия.

– Зачем ангелов вести в крепость? – спросил я.

– Таков закон.

Я исправился:

– Имею в виду не тебя, а нас. Твой мотив понятен, не можешь иначе, но что там с нами сделают?

Гордей равнодушно повел плечами, поправил щит.

– Там решится ваша судьба.

– Чего нам ждать?

– Не знаю.

Я не выдержал:

– А кто знает?

– Никто.

Вот и поговорили.

– Скажи хоть что-то! – взмолился я.

– Хоть что-то.

Показав, что не ищет моего общества, гори оно любым пламенем, царевич умолк. Его взгляд в поисках возможного неприятеля вновь устремился в лес, прыгая по сторонам, как кот, упавший в вольер к собаке.

Думал, отстану? Ну-ну, думай, не жалко.

– Напомни-ка молитву встречи, – сыграл я на его законопослушании. – Встретив ангела, ты должен – что? Помимо крепости.

Гордей резко выдохнул, затем пробурчал что-то нечленораздельное, а выражение лица пообещало при случае сделать из меня нечто членораздельное.

– Если я встречу ангела, я стану ему другом и помощником...

– Ты встретил ангела, ему требуется помощь – нужны сведения о мире, куда его занесло, – удовлетворенно сообщил я. – Удружи и помоги. Что сделали с другими ангелами?

– Это было давно.

– Века назад?

– Годы.

Уже что-то.

– Их возвысили? – с надеждой осведомился я.

В ответ – очередное невразумительное пожатие плеч, показавшее полное равнодушие к судьбе снизошедших.

– Их убили? – качнуло меня в противоположность.

Последовало очередное разведение руками, теперь с надеждой со стороны царевича. Дескать, что бы с ними ни было, туда им и дорога. И мне, здесь присутствующему, тоже. И побыстрее.

– Не знаешь? – пнул я вопросом, чтобы пошевеливался.

– Не всех, – выползло что-то дельное. И весьма зловещее.

Или царевич ответил не только на последний вопрос?

– Значит, их убивают?

– Никто не смеет убить ангела. – Гордей, наконец, обратил на меня взор – уничижительно-уничтожающий, словно при виде личинки жука в любимой кружке. – Наоборот. От вас ждут слишком многого, вы не выдерживаете. Испытание проходят далеко не все.

– Что за испытание?

– Всегда разное.

– Например?

– Не знаю! – Гордей впервые повысил голос. – Это не наше дело. Наше – встретить, помочь и отвести. Я встретил, помог и веду. Все!

Его конь мерно утрамбовывал почву. Хрустели веточки. Я решил, что царевич уже успокоился и попросил более дружелюбным тоном:

– Можно еще вопрос?

Гордей закатил глаза, но смолчал, что в системе координат полной безысходности значило «да».

– Алла – имя местной богини, или это здешняя фараонша-императрица? Или, как говорится, два-в-одном?

Собеседника сотряс ужас.

– Умолкни! – Царевич даже поперхнулся в возмущении. – Не только говорить, думать так не смей! И не произноси Святого Имени без надобности, а произнеся – помолись. Не знаю, кто такие богини и фараонши-императрицы, есть только Алла-единственная-изначальная, да простит Она нас и примет. Она создала все, и Она есть все. Она посылала в мир свои слово и мудрость, но мы не слышали. Тогда Она пришла сама. Законы, которые мы выполняем – Ее законы. Никому не придет в голову что-то исправить или дополнить. Кто покушается на дарованный свыше закон даже в малом – преступник. Ангел, не ангел, смерти подлежит

любой, кто сомневается в Слове. Тома, приблизься и вместе с Чапой повторяй за мной молитву воспитания: Алле хвала! Алле хвала! Алле хвала! Ну?

Едва проглотив смешок, мы повторили. Не хотелось злить единственного проводника по враждебному миру. Нам ничего не стоит, а ему приятно.

– Я отдаю мечты и поступки Алле-воспитательнице, да простит Она нас и примет.

– Я отдаю... – покорными овечками говорили мы.

Лицо Гордея устремилось к небу, глаза в экстазе закрылись. Фанатик. В будущем нужно быть осторожнее в выражениях.

– Я убираю пороки из жизни и мыслей. Я жесток и беспощаден с преступниками, ибо преступивший закон сознательно поставил себя вне общества – общество обязано ответить тем же.

– ...общество обязано ответить тем же, – бубнили мы, никакого мало-мальски значимого почтения к произносимому, не говоря о благоговении, не ощущая.

– Чем возмездие суровей, тем меньше ненужных мыслей в наших головах. Чем возмездие неотвратимей, тем меньше ненужных жизней в наших рядах. И да не дрогнет моя рука во исполнение закона, ибо закон справедлив, когда он выполняется, всегда и всеми, наперекор всему. Вот высшая мудрость.

– ...высшая мудрость, – кивали мы с Томой, стараясь не встречаться взглядами.

Чтобы не заржать. Как можно к столь напыщенным словам относиться серьезно? Пусть себе царевич тешится, от нас не убудет. Он вроде как большое дело делает, мы вроде как повиْنемся. Потом припомним и выторгуем ответную побряку.

– Да постигнет кара разрушителей, и да возрадуются созидатели. И да воздастся справедливым. Алле хвала! Алле хвала! Алле хвала!

– ...Алле хвала! – дружно закончили мы.

Гордей открыл глаза. Конь под ним, вновь ощутив управление, всхрапнул и едва не скакнул вперед.

Изрядно поднадоевший лес никак не кончался, деревья вокруг ничем не отличались от пройденных ранее. Как местные здесь ориентируются?

Я предпринял новую попытку разговорить царевича и выведать все секреты. Начнем с мелкого, чтобы опять не спугнуть.

– Почему возраст считаете зимами?

– Как же иначе? – изумился он. Тут же встрепенулся: – Не говори! Не хочу слышать!

– Не скажу, – с удовольствием пообещал я. Да и как объяснить, почему мы считаем года летами, причем начинаем только с пяти? – Зимы холодные?

– Очень. Приходится утеплять жилье, закрывать окна.

– И все?

– Думаешь, все так просто? Настоящих морозов не знаешь. В некоторые ночи невозможно спать под открытым небом – заболеешь.

Ну-ну. Сменим тему.

– Бойники – от «бойни»?

Гордей равнодушно повел плечами:

– Скорее, от «боя». Разницу между боем и войной знаешь?

За дурака держит?

– Если война – песня, – сказал я, то бой – слово в песне. Даже так: война – море, бой – капля.

– Именно, если море – это озеро. Войники, войницы – от «войны», а бойники... так, крепостная шушера на один поход. Нищая пародия на войников.

Чувствовалось, как ему ненавистны низкорожденные. Мне не хотелось спорить. Хотелось наоборот. Очень странное чувство. Едва из грязи в князи, и уже...

– Ангелов слушать нельзя, верно? – припомнил я. – Почему же слушаешь?

Уловка не загнала противника в угол, как мне хотелось, она вызвала усмешку:

– Закон нельзя воспринимать столь буквально. Смогу я оказать тебе помощь, если откажусь выслушать просьбы? Начнешь смущать искушениями – слушать не буду. Мало того, окажу вынужденное сопротивление. Это простится.

Меня объяснение лишь раззадорило.

– Значит, закон подразумевает разночтения. Исполняете не букву, а дух закона? – Припомнив недавнее, я добавил: – А в клятвах – не смысл, а букву? То есть, и закон, и клятву разными способами переворачиваете к своей выгоде и продолжаете считать себя честными?

– Остановись. Я догадался, почему запретили вас слушать. Еще слово – придется принять меры.

Любопытно, какие. Впрочем, совсем нелюбопытно.

– Понятно, слушать запрещено. – Я пошел на попятную. – А рассказывать?

– Выполнять все разумные законные просьбы.

Ему не хотелось со мной общаться. И он не стал бы, но – закон. Обязан? Исполняй! И я попросил:

– Расскажи, как устроен местный мир.

А как бы я сам ответил, если бы встретился на Земле с тупым инопланетянином? Хорошо, что здесь я спрашиваю, а не отвечаю. Заодно начинаю понимать, зачем люди идут в учителя. Или хотя бы почему из них не уходят.

– Что именно хочешь услышать?

Разумное уточнение. Перевел, гад, стрелки на меня. Потом припомню.

– Что у вас делают ангелы? В смысле, чем занимаются. Каковы обязанности.

– Служат.

В армии? Не обязательно, слово «служба» включает в себя много смыслов, от чиновничьей до священнической, даже актеры в театре служат, а не работают или играют. Лучше уточнить.

– Чем?

– Чем служу я? Всем, что в моих силах. То же предстоит вам.

Ух, как все сложно и непонятно. Загадка на загадке и под туманным соусом. Или Гордей формулировать не умеет? Или это я формулировать не умею?

Зайдем с другой стороны.

– Как называется ваша страна?

– Уже «наша». – Его губы тронула легкая улыбка. – Мы зовем ее страной башен.

– А соседние?

Лучше бы не спрашивал. Изготовление конфетки из отходов жизнедеятельности не вызвало бы большего изумления.

– К-а-к-и-е? Ты про пожирателей что ли?

– Кстати, о пожирателях. Это кто?

Царевич скривил рот.

– Людоеды. Как чело-волки.

– Чужие! – крикнули сразу оба боковых наблюдателя.

Ржание. Голоса. Казалось, что лес расступился – это на передний план из чащи выехало трое всадников. Кроме дизайна и некоторых особенностей амуниции они напоминали Гордея. Пластинчато-кожаные доспехи, сапоги, открытые ноги и руки с частичной защитой. Разномастные щиты за спиной. На поясах – такой же набор из меча и ножа. Только шлемы без меха, обычные остроконечные, как у былинных богатырей. Грудную клетку каждого из крайних дополнительно защищала узорная рельефная пластина, у центрального пластина была изящно выпуклой. А вот сложением всадники не вышли. Не богатыри, одним словом. Те, что по бокам

– парни лет двадцати, между ними вообще девчонка. Ну, девушка, едва ли догнавшая летами спутников. Воинственная и грозная, несмотря на возраст и внешнюю хлипкость. Излучаемая ею уверенность в собственных силах не оставляла сомнений в серьезности и даже опасности воительницы. Руки всех троих лежали на рукоятках мечей, к возможному счастью для нас – пока не обнаженных.

Носильщики вынули копья из носилок Шурика и рассредоточились, остальные вместе с ними заняли оборону подковообразным построением, отрезая гостей от охраняемых объектов. Гордей, оказавшись с нами внутри ошетилившегося полукольца, выехал чуть вперед. Он явно узнал прибывших. Энтузиазма у него встреча не вызвала.

Положенный на землю Шурик сделал нам с Томой знак приблизиться.

– Не полируйте себе кровь через всяких-разных напрасных мыслей, – проговорил он в своей манере. – Малик знает, что делает. Вернется за всеми, куда бы нас ни занесло. На свободе есть выбор действий, в плену – нет.

Пугливо глянув на конвойную команду, которой сейчас было не до нас, я шепнул:

– Если не секрет, кто он по основной профессии?

– А я знаю? Но при желании любого уложит посреди мостовой безо всякого риска подцепить дополнительную температуру к остывающему организму. Кстати, можно встречный вопрос: почему «Чапа»?

Я непроизвольно вздохнул.

– Угораздило папу Ваню назвать сына Васей, вот и стал для всех Василием Ивановичем Чапаевым из анекдотов. Потом просто Чапаем. Потом совсем укоротили. Но лучше быть Чапой, потому что иначе – «Муха». Все-таки Мухины мы.

– Которые всегда в полете, – хихикнула Тома. – «Чапа» – лучше, и если знать предысторию – героичнее.

Больше поговорить не получилось, иначе пришлось бы повышать голос и перебивать глав встретившихся отрядов.

– Приветствую, царевна Милослава. – Гордей чуть-чуть склонил голову.

Его бойники сделали знакомый нам короткий присест, но оружие по-прежнему держали направленным в сторону прибывших.

Мы с Томой машинально переглянулись: царевна? Царских отпрысков тут как собак ... пардон, волков нерезанных. И все по лесу бродят. Больше заняться нечем?

– Гордей, сколько зим! – Царевна соорудила на губах фальшивую улыбочку. – Знаком с моими мужьями?

– Не довелось, – сообщил царевич тоном «сто лет вы мне не сдались».

– Дорофей, – представила Милослава левого. Затем правого, который отличался от другого шириной груди и цветом лошади: – Порфирий.

– Очень, – кивнул Гордей, проглотив полагавшееся «приятно».

– Жаль, что ты пристроен, – не слишком правдоподобно пожалела Милослава.

– Староват я для тебя, соседка. Найдешь порезвее.

– Кто бы говорил.

Возможно, так протекали местные «чо как», то есть «как дела, как погода?» – обязательный набор фраз случайно встретившихся соседей перед тем, как разъехаться.

Странно, но Дорофей с Порфирием, представленные как мужья, равнодушно отмалчивались. Отстраненные взоры, не чувствовавшие реальной опасности, спокойно и задумчиво гуляли по сторонам. Порфирий статью превосходил более хилого – только по сравнению с ним – Дорофея. Дорофей мстил чеканной красотой лица, выразительностью глаз и недоспрятанной ухмылочкой, за которой скрывался хитрый ум. Насчет ума – предположение, а хитрость присутствовала однозначно. Или зловредность. Не люблю таких. Потому что иногда сам таким бываю. Или не иногда.

Милослава пустила коня вперед мелким шагом:

– Разве не ты обратил в посмешище оборону Мефодии, когда разметал ее защитников? А они, между прочим, долгие годы считались эталоном, символом непобедимости, недостижимой вершиной.

«Эталон», «символ»... То, что слышали уши, не вязалось с тем, что видели глаза. В какие времена мы попали?

– Или не ты, защищая вотчину, разнес в пух и прах контратаку Мефодии? Кто, как не ты, спас тогда цариссу? – продолжала Милослава.

Напоминание царевичу польстило. Когда царевна приблизилась вплотную, он обронил, нарываясь на новый комплимент:

– Противник был старше, а возраст, как я уже сказал – не последнее дело.

– Еще и скромненький до безобразия. Гордей, ты мне определенно нравишься. Был бы свободен... Впрочем, кто знает? Царисса стара, слаба, болезненна, не сегодня завтра...

– Не говори так. Четвертая заповедь. Она женщина и мать, а еще она царисса. В отношении вашей цариссы ты мне таких же слов не простишь.

– Так не прощай. Вот я. Ну?

Гордей потупился.

– Ты знаешь, я не могу ударить женщину, если моей семье не угрожает опасность.

– Думаешь, не угрожает? – от царевны пахнуло холодом.

Еще секунда, и...

– Не посмеешь. – Царевич знал закон. Закон на его стороне. Он положился на закон, и закон восторжествовал.

Рука на эфесе царевны немного расслабилась.

– Как член тайного к... – Гордей стрельнул в нашу сторону убийственным взглядом и снизил голос, – ты давала определенную клятву, в том числе – карать отступников клятвы.

В сужившихся зрачках царевны полыхнули молнии, а мышцы кисти вновь натянулись в опасные струны.

– Откуда знаешь про... – она осеклась. – А-а, Евпраксия. Но ты не она.

– Тогда вспомни последнюю заповедь.

– Определяешь себя как имущество? – Милослава хмыкнула и прибавила яда во взоре.

– Я муж, – гордо сказал Гордей. – А они, – последовал кивок на свиту, включавшую нас, – имущество.

– Тогда вызови на поединок.

Царевич справился бы с царевной без труда, но с необъяснимым упорством увиливал от драки.

– Поединки запрещены.

– Законник хренов, – в сердцах выдохнула Милослава.

Сценка напоминала дорожную ситуацию с гаишником, который не может докопаться до остановленного водителя: и пристегнут, и документы в порядке, и выдох трезвый, и даже огне-тушитель непросрочен.

Гордей сменил тему.

– Каким ветром в наши края?

– Решили размяться немного. Прогуляться, поохотиться.

– Далековато забрались. Цариссу Западного леса и Святого причала такое известие вряд ли обрадует.

– Не пугай, – снова окрысилась Милослава. – Охота не знает границ.

– Кстати, недалеко как раз есть кое-кто. Парочка беглых. И... еще один беглый.

Гордей не захотел сообщать посторонним статус сбежавшего Малика.

Милослава проигнорировала как сообщение, так и заминку. Повинуясь хозяйке, конь сделал еще несколько шагов в нашу сторону, обойдя царевича сбоку. Впритык поднесенные копыта почти царапали кожу, глаза бойников безотрывно следили за каждым движением царевны. Даже за намерением движения.

Она их презрительно не замечала.

– Почему гуляешь по лесу со всяким сбродом? Войников в семье не осталось?

Гордей остался чуть впереди, чтобы, если понадобится, перехватить двух других всадников. Чувствовалось, что нервы у него на пределе.

– Все у границы с Конными пастбищами. В одной из деревень карантин.

– Черный мор? – картинно ужаснулась Милослава.

– Обычный жар, но крепостныедохнут, как мухи. Переживаем, пока само пройдет.

– Про карантин я слыхала, не знала подробностей. У нас тоже было похожее, но давно...

Дальше Гордей не слушал.

– То есть, когда ехала сюда, – его голос вновь стал жестким, – ты знала, что все наши бойцы в оцеплении...

Теперь на царевну направили копыта даже дальние бойники. Запахло интригой с тяжелыми увечьями.

Милослава ухмыльнулась. Ее конь дернулся. Стража едва совладала с оружием, чтобы не продырявить сверкающую металлом благородную тушку.

– Вы не одни следите за флагами. Наблюдатель сообщил, что Святой причал сработал. Два ангела. Эти?

На нас с Томой уставился изящный злой пальчик.

Даже мы понимали, что затевается нечто, что добром не кончится. Самое обидное, что все из-за нас, а мы – ни сном, ни духом. Ау, люди, если вы люди, объясните, что происходит!

– Зачем они вам? – странно поинтересовалась Милослава. – Все равно отдавать. Вы умираете. Согласись, нам они принесут больше пользы.

Гордей заметил небольшое движение всадников вперед.

– Скажи принцам, – сухо сказал он, – еще шаг, и ты станешь вдовой. Ты меня знаешь.

Я отметил слово «принцы». Это плюс к царевне с царевичем. У них здесь демографический перекося в плане высшей аристократии?

Два бойника направили копыта на Дорофея с Порфирием, вооруженных лишь мечами, остальные не спускали глаз с царевны.

Милослава сделала вид, что не слышала. Впрочем, услышали сами принцы, Гордей добился желаемого: переглянувшись, они остались на месте. Видимо, действительно знали.

– У вас раненый? – Царевна удостоила вниманием Шурика. – Кто его так? Черт?

Заминка Гордея объяснила ей все.

– Вы несете в башню черта? – Милослава расхохоталась и, смело склонившись к «черту», долго и пристально разглядывала Шурика. – Красный. Они все такие?

Она смотрела на волосы.

– Нет, – нехотя признал Гордей.

– Откуда знаешь?

Пришлось отвечать.

– Был второй. Черный.

– Ну, хорошо хоть «был», – кивнула царевна.

Седло закрипело под внезапно заерзавшим царевичем. Пауза затянулась. Лгать Гордей не решился, как и не стал опровергать догадку царевны.

– Почему не убил? – она вновь указала на Шурика.

– Обстоятельства.

– Не существует обстоятельств, которые отменяют закон.

– Разночтение.

– Богохульствуешь. Не для того Алла-всеспасительница, да простит Она нас и примет, снизошла к людям с Законом, чтобы разные умники толковали его в свою пользу.

Гордей заерзал еще больше.

– Ангел не оставил мне выбора.

– Выбор есть всегда, – отрубила царевна.

Они уперлись в виртуальную стену прямой логики, за которой только драка. Тут встрял я:

– Бывает. Например, заповедь «Не укради».

Мне думалось, царевна возмутится вторжением в беседу. Она только хмыкнула:

– Просто: не кради. Украл – преступник. Преступил – умрешь.

– А если умираешь с голода? – не отставал я. – Тогда – или укради еду, или нарушишь более серьезную заповедь – «Не убий»!

Поставить кого-то в глупое положение с помощью псевдоумного парадокса еще в школе стало моей фишкой. Из-за способности доводить учителей до истерик в классе меня обзывали страшным словом софист.

«Волга впадает в Каспийское море», – ни о чем не подозревая, буднично сообщала Антонид Петровна.

«Как же, – без разрешения подавал я голос. – При слиянии рек название дается по более широкой. Кама на «стрелке» под Казанью в два раза шире Волги. Так что же впадает в Каспийское море?»

Или:

«Земля – шар», – говорил Валерий Вениаминович, никак не предполагая подвоха.

«Неправда, – вызывал я гогот класса и ужас в учительских глазах, где рушилось мироздание. – Вот луна – да, шар, а Земля – сфероид. Приплюснутая на полюсах сфера. Разве не так? Зачем обманываете бедных деток? Мы же вам верим!»

Кличка Софист, как случается сплошь и рядом, сократилась до Софы, Софочки. Пришлось драться за восстановление гордого имени «Чапа». Меня били, ставили фингалы и разбивали губы, ломали руку и едва не оторвали ухо, но я все равно взрывался и кидался за «Софочку» даже на старших. И неизмеримо более сильных.

Даже слон не любит, когда ему в ногу вцепляется маленькая Моська, которую переломишь одним хоботом. В первый раз он смеется. Во второй раз – задумывается. В третий обходит Моську стороной или предлагает дружбу.

Здесь был другой мир. Царевна не закатила глаза, не замахала на меня руками, не посмотрела как на мокрицу, что сунулась в приличное общество в застегнутом на нижнюю пуговицу пиджаке. Она рассмеялась в ответ:

– Лучше гордо умереть с голода, чем от наказания за нарушение закона.

Я сник. Реалии привычного мира здесь не работали. У нас грехи бывают маленькими и большими. Во избежание большого допускается, пусть с извинениями и самооправданием в стиле «Что я мог поделать, если ситуация так сложилась?», совершить малый. Здесь любой грех он и есть. Даже завидно.

Заговорил Гордей:

– Я временно предпочел жизнь ангелов смерти черта. До прибытия в башню. Царисса рассудит по закону.

– Закон только тогда закон, когда живет в каждом. Ты его нарушил. Ты знаешь последствия.

Ее исполненный внутренней мощи голос зазвучал громко и страстно, на весь лес:

– Говорю! Преступивший закон сознательно поставил себя вне общества...

Я узнал: царевна декламирует «молитву воспитания».

– И да не дрогнет моя рука во исполнение закона, ибо закон справедлив, когда он выполняется – всегда и всеми, наперекор всему. Вот высшая мудрость. Да постигнет кара разрушителей, и да возрадуются созидатели. И да воздастся справедливым. Алле хвала!

– Алле хвала! Алле хвала! Алле хвала! – грянул хор так, что листья полетели.

Откликнулись все, от бойников до ошалело глядевшего царевича. Бойники озирались друг на друга, не зная, как теперь поступить, но копья не опустили – царевна с принцами по-прежнему остались под прицелом.

Милослава не стала хвататься за меч, как от нее ожидали. Воздев руки к небу, она объявила во всеуслышание:

– Я обвиняю. Царевич Гордей Евпраксин нарушил закон. Он признался сам, без давления, при свидетелях. И да свершится справедливость!

Рядом с моей головой что-то пронеслось. Я даже испугаться не успел. Оказывается, пока все следили за царевной и принцами, кто-то подкрался сзади. Пронесшееся копьё попало царевичу в верх вывешенного за спиной щита. Щит не пробило и не раскололо, но край щита ударил Гордея в затылок, и его на миг оглушило.

И тогда Милослава взмахнула выхваченным мечом.

Расправа была краткой.

«Чванк!»

Вспрыск.

Тишина.

Под упавшим с лошади царевичем расплзлось багровое пятно. Остолбеневшие бойники опустили оружие.

– Чего встали? – прикрикнула царевна. – Тело преступника нужно доставить домой. Расскажите, что видели и слышали. Со всеми подробностями. Чтобы в башне и мысли не возникло поднять бучу.

Белобалахонщики суетливо исчезли, а Милослава обратилась к воину, вышедшему из засады:

– Молодец, не промахнулась. Силенок все же подкопи, дело надо кончать в одно действие, для второго шанса не оставят. Выигрывает, Карина, не сильный, выигрывает первый.

– Не молодец. – Кожаный каблук новой воительницы вбил ни в чем не повинный цветочек глубоко в землю. – Я метилась в приоткрытый бок.

Еще одним ударом она раскидала муравейник. Очень похожая на Милославу, Карина была еще младше. Лет шестнадцати-семнадцати. Облачена в обычный для здешних мест доспех. В шлеме. На поясе – короткий прямой меч. Крепкая, немного тяжеловатая по сравнению со старшей соратницей, глаза мельче и темнее, взгляд мрачнее. Или яростнее, если учесть, как она в меру сил сдерживается, пока внутри все клокочет. Карину можно было назвать красивой, но это красота танка, который только что вышел из ворот завода.

– Сколько можно было болтать? – раздраженно скривились ее полные губы. – Рука устала. Круг по лесу я минут за пять сделала, подкралась, все как на ладони. Приготовилась. Того и гляди, кто-нибудь обернется, а у меня доспехи блеснут. – Выговорившись, Карина соизволила обратить внимание на нас, «ангелов» и «черта». Впечатления мы не произвели. – А вы тут бубните и бубните, бубните и бубните...

– Я же не знала и потому тянула, сколько могла, – посмеялась Милослава. – К тому же, соседка никак серьезного повода не давал, а склок и разбирательств я не люблю. Дорофей! Кликни Зарину, скажи, все нормально, пусть ведет Каринкину кобылу.

Спешившись, она прошла мимо нас с Томой к Шурику. Мы вытащили ножи.

Глаза Милославы ощупали раненого сверху донизу, и она пошла обратно.

– Здорово получилось. Не просто пощипали не проявивших должной вежливости соседей, а соблюли закон. Красиво!

С этими словами она взмахнула руками, треснув меня лбом об Тому. Или Тому лбом об меня. Результат один. В головах взорвались хлопушки, мозг прокрутил краткий мультик про цветные пятна в стиле калейдоскопа.

Изображения перед глазами долго сходились в одно. К тому времени, когда совмещение произошло, нас обезоружили.

– Ножик детям не игрушка, – проинформировала царевна. Томин нож она брезгливо откинула в кусты, красивый мой отдала Карине. – Держи, звезда дня. Трофей. Редкая вещь.

Поигрывающий мечом Порфирий навис над Шуриком. Вдали раздалось ржание. Из леса с радостным гиканьем выметнулись два всадника с запасной лошадей. Один был нам известен – Дорофей, второй муж царевны, а другой...

Девчушка в полном боевом облачении. Она и вопила. Даже сейчас счастливо повизгивала. Спешившись, прыгала вокруг взрослых, пыталась отобрать у Карины подаренный нож. Лет тринадцать, если не меньше. По сравнению со мной – малявка.

– Порфирий, давай, – буднично разрешила Милослава.

Мелкая отвернулась, звякнув латами. Карина, наоборот, решила посмотреть.

– Порфирий, стой, – приказал я.

Все остолбенели. Словно ослица заговорила. Или новый ай-продукт известной фирмы оказался дешевле предыдущего.

– Если я встречу ангела, я стану ему другом и помощником и отведу в крепость. И отдам жизнь за него не задумываясь, – довольно близко к оригиналу процитировал я. – Так?

– Алле хвала! – выдохнул Порфирий.

Его меч деревянно ухнул в ножны. Не потому, что меч деревянный, как раз наоборот. Только в кино для пущего эффекта при вынимании или убирании оружия железный скрежет стоит, будто автомобиль бульдозером раздавило.

– Но он – черт! – Милослава недовольно указала мне на Шурика.

Ей не нравилось чувствовать себя на вторых ролях. Хозяйкой была она, а тут какой-то дрыщ плюгавый законами кидается.

– Наши жизни, – я указал на себя, Тому и Шурика, – связаны. Убьете одного – убьете всех.

– Вы заколдованы?! – с восторгом выпалила мелкая воительница, которая пригнала лошадь Карине.

У нее даже рот открылся от удивления. Глаза – как диски, причем не компакт, а древние, виниловые.

– Чушь. – Милослава повернулась к Порфирию. – Ангелам, конечно, поможем, даже больше, чем думают, а этого...

– Милослава, посмотри сюда. – Меня накрыло состояние, когда терять нечего. – Считаю до трех. Раз...

Она обернулась сразу.

Я сжал зубами кожу с венами на запястье. До боли сжал. Щеки застыли в напряжении.

Всего пару секунд продолжался наш поединок глаз. Царевна поняла: рвану. Если спасут – рвану снова. А если свяжут – откушу себе язык и умру от болевого шока или кровопотери. Про язык сидело в уме, но, видимо, в глазах тоже как-то проявилось.

– Значит, вот она, причина Гордеевых сомнений. Ладно, грузимся. Зарина, возьми к себе... как тебя? Тому. Раненого привяжите к спине Дорофея. Чрезмерно болтливого ангелочка, – указующий перст уперся в мой лоб, – ко мне.

Часть вторая. Ангел

Глава 1

Вася не слушался маму, и его поставили в угол.

«Это плохо», подумал Вася.

А потом еще подумал:

«А мама считает, что хорошо».

А потом подумал:

«Мне было хорошо, когда я вел себя плохо. А теперь мне плохо...чтобы другим стало хорошо?»...

Это – начало сказки, которую сочинил папа и рассказывал мне, четырехлетнему малышу. Уже тогда я знал, что правда бывает многогранной и многослойной.

Любой, кто разбирается в книгах или кино, скажет, что трагедия – это драма, в которой кто-то умирает. Да, но есть кое-что еще. Трагедия – когда в споре, где кто-то умер, обе стороны были правы. В этом трагедия.

Мне было плохо. Легко быть правым, если от этого не умирают люди.

Мы ехали с Томой на разных лошадях, притороченные к спинам наездников, и словно вели безмолвную беседу.

«Гордей умер из-за меня, из-за моих выкрутасов».

«Не говори так. А Малик и Шурик? Они живы только благодаря тебе».

Я все понимал. Но душа болела.

Непривычная еда, оцарапанные нервы и непрерывная череда событий со смертью человека, который мне доверился, наложились друг на друга и дали неприятный эффект. Я думал перетерпеть, но корчи и возня не остались незамеченными. Зад царевны поочередно совершил несколько продольных и поперечных движений, и она подозрительно оглянулась.

– Мне... на минутку, – простонал я. – Надо.

– Надо, так надо, – не стала спорить царевна. – Перекур!

Маленький отряд остановился.

– Вы курите?! – И здесь достала эта вредная ненавистная привычка. В первом классе мне выдохнул в лицо старшеклассник. Как я не задохнулся, не представляю, но желания пробовать с тех пор даже не возникало.

– Курим? – не поняла Милослава, с неясным сомнением окидывая меня взглядом с ног до головы. – Не слышала. «Перекур» – команда на краткий отдых. Любой с детства знает.

Гм. Повод задуматься. Осталось понять о чем.

Приемлемое местечко нашлось за деревьями, расшнурованные шаровары поехали вниз, и я присел, закинув полы халата на колени и машинально нарвав больших мясистых листьев: опыт туризма у меня имелся, не раз доводилось пользоваться дарами природы вместо благ цивилизации. В траве ползали привычные глазу муравьи. Возможно, Малик опять сказал бы, что не наши или не муравьи. Уходя, я поймал одного и надкусил попку. Брызнуло кислым. Все как обычно.

Остальные тоже воспользовались «перекуром». Глаза Тома, возвращавшейся с другой стороны, просигналили: есть о чем посекретничать. Что ж, поиграем в шпионов. Небрежно «гуляя» по полянке, с каждым шагом мы сближались, пока до меня не донесся шепот:

– Мне даже неудобно было отлучаться. Когда ты пошел... за тобой следили, представляешь?

Мне на щеки словно кипятком плеснули.

– Прямо... там?

– Отсюда. Милослава сначала глаз не спускала, потом успокоилась. Думала, что сбежишь? Или зачем-то руки на себя наложишь, как показывал. Или, как воображает мелкая, – Тома кивнула на подкармливавшую лошадь Зарину, одновременно косившуюся на нас, – колданешь как-нибудь. Ты же ангел, вдруг умеешь?

Она слотнула вырвавшийся смешок.

– По коням! – поплыло над лесом.

Зарина приглашающе помахала Томе. Мне помогли взобраться за щит царевны. Деревянный изнутри, ко мне он был обращен холодным начищенным металлом. На щитах в этом мире рисовали узоры, цветы и орнаменты – как и на бляхах ремней, на пластинах лат, ножнах, шлемах, седлах и прочей ерундистике, что усердно покрывалась гербами их носителями на родной Земле. Столь наплевательское отношение к геральдике и принадлежности к определенному дому напрягало. Впрочем, я западных фильмов посмотрелся и книжек о рыцарях начитался, а о том, как заведено у моих предков, понятия не имею. Может, было именно так, и передо мной именно они?

Когда дорога снова принялась вытрясать душу из привыченного, словно бурдюк, тела, я спросил:

– Можно три вопроса?

– Только три? – Благодушие и покой царили на лице Милославы.

– Для начала. Но очень волнующие. Куда едем, зачем и, главное, что с нами будет потом?

– Правильные вопросы.

Милослава с минуту что-то обдумывала, словно распределяла файлы по папкам «говорить» и «не говорить».

– Первое. «Куда», – вскоре начала она. – В башню Варфоломеи, цариссы Западной границы. Самой сильной цариссы региона.

– Ты ее дочь? – с большой долей уверенности предположил я.

А в уме щелкнуло: «регион» – словечко явно не из лексикона предков. И построение фраз похоже на современный мне язык, а никак не на что-то самобытно-древнее.

Царевна кивнула.

– И Карина с Зариной. И не только. Говорю же: самая сильная. Теперь – «зачем». Мы обязаны доставить ангелов в крепость. Для этого нужно собрать надежную свиту, чтобы не получилось как с Гордеем. Боец был знатный, а думалка хромала. Еще: ангелы, вообще-то, ничьи, но при желании могут стать чьими-то, вот и появилась мыслишка...

Словно ужалило: чьи-то? Нас хотят приватизировать?

Общество религиозного фанатика и обманщика Гордея вспоминалось во все более радужных тонах. Впрочем, несмотря на выказываемый пиетет, он тоже считал нас имуществом.

– Что будет потом? Скажу одно, – продолжила Милослава, – все будет по закону. Как – не знаю. Третья заповедь гласит: соблюдай закон. Так и сделаем.

– Гордей тоже упоминал заповеди, – припомнил я. – У вас, должно быть, другая нумерация. Впрочем, и у нас в разных конфессиях по-разному. Последняя у вас тоже «не возжелай жену ближнего своего» или что-то другое?

– Как?! – Милослава подавилась воздухом, а затем заржала громче своей испугавшейся гулко вторившей лошади. – Слов нет, одни междометья. А четвертая? Ну-ка, повесели еще.

– Почитай отца твоего и мать твою, – хмуро сказал я.

– Придумают же, – чуточку успокоилась Милослава. – Сказано: почитай мать свою и чужую, ибо Алла, да простит Она нас и примет, дала нам мир, а они дали жизнь. Четвертая заповедь звучит только так, отступление – грех. Грех – это смерть. Ясно?

– Угу.

Царевна почти не управляла конем. Ищейкой, взявшей след, тот сам находил дорогу. Или у здешних коняк навигатор в голове? Как у наших голубей, отчего они всегда возвращаются.

Скорее всего, Милослава часто ездит этими местами. Самое скучное объяснение обычно самое правильное.

В начале разговора справа приблизилась Зарина с Томой за плечами. Розовенькие ушки обратились в локаторы. Милослава шуганула ее неким крепким словом, дальше нам никто не мешал.

– Почему ты сказала Гордею «Вы вымираете»? – нарушил я молчание. – Кто вымирает?

– Их семья. Совсем слабая. Теперь еще лучшего бойца лишилась. – Задумавшись, царевна стрельнула глазами по сторонам и выдохнула, пересилив себя: – А как жизнь у вас? Там?

Ее палец пронзил небо.

Сказать, что вопрос меня поразил – ничего не сказать.

– Закон запрещает слушать ангелов, – напомнил я. – Не слушать истории ангелов, не спрашивать о нашем мире. Кто слушал – жуткое наказание.

– Именно, – спокойно согласилась царевна. – Но закон есть закон, а жизнь есть жизнь. Так как там у вас?

– Не боишься?!

– Наслушались алла-хвалинских идиотиков? Заруби на носу или где хочешь: человек отвечает только за то, что докажут. Мы здесь вдвоем. Во всевидящее око Аллы я не верю. Значит, если не проболтаемся, никто не узнает. Где никто не знает, закон бессилён.

Вспомнилось, как в одном школьном кабинете кто-то расписал стену паскудными надписями. Принялись искать виновных. Валерий Вениаминович сказал: «Он был один». «Почему вы так уверены?» «Было б хотя бы двое – я уже знал бы».

– А если проболтаюсь я? – Хотелось бы видеть глаза Милославы, но в доступности был только зад, а он эмоций не выдавал. – Мало того, специально сообщу?

Царевна, как нарочно, поерзала в седле, устраиваясь удобнее. Равнодушно раздалось:

– И что? Кто тебе поверит, если я, царевна, буду отрицать? Ты моложе, беспокойней, фантазия богата. Вскоре свои интересы могут возникнуть. Мое слово окажется весомей. А с тобой однажды произойдет несчастный случай.

Оп. Я заткнулся. Искренне верующие отныне нравились мне больше. Ненавижу местных атеистов.

– Так как же там у вас?

– Нормально у нас.

Бронзовый щит встал холодной стеной не только между телами.

Лес кончился. Царевна чуточку расслабилась, остальные тоже повеселели.

– Наша земля! – за последними деревьями звонко объявила Зарина.

Счастливая улыбка осветила ее лицо, руки раскинулись, обнимая мир. Угрозило же родиться в подобной семейке. Пары лет не пройдет, будет как остальные – прожженной циничной убийцей. Пока же малявка единственная из туземцев вызывала хоть какую-то симпатию.

Под нами колосилось поле, засеянное чем-то. Какой-то культурой. Из меня агроном, как из Милославы Франциск Ассизский. Это такая мать Тереза, только мужик.

Небо потихоньку сгущалось темнотой.

– Успеет, – прикинула царевна.

Через полчаса поле сменилось широкой утоптанной дорогой, первой в этом мире. Надеюсь, не единственной. Лошадям стало легче.

Мои руки обнимали ледяной металл талии царевны, пальцы цеплялись за португую. Живот, грудь и щека терлись о щит. Вперед смотреть я не мог, но приободрившиеся и радостно

засуетившиеся окружающие подсказали, что мы куда-то приближаемся. Отряд поднажал и перед закатом прибыл к охраняемым воротам.

– Спешиться! – бросила царица.

– Что там? – не утерпел я.

– Цикада, – с радостью «объяснили» мне несколько голосов.

Частокол из высоченных заостренных бревен был мрачен и суров, он вызывал необъяснимое ощущение надежности. Неплохое сооружение. Регулярное войско штурмом его, конечно, возьмет, а от волков и лихих людей – защита.

– Хочешь жить – молчи, – прошипела Милослава Шурику. – Притворись потерявшим сознание, а лучше мертвым.

– Царьберы! – У восхищения Царицы предел исчез как понятие.

Во все двадцать два глаза (так казалось) таращась на выступивших вперед красавцев-богатырей, она выпячивала грудь и тянулась макушкой вверх, пытаясь выглядеть хоть немножечко выше. И старше. И это могло получиться – у другого. Но не у нее.

Ярко-желтые плащи покрывали доспехи царьберов. Прямоугольные щиты защищали две трети туловища. Витиевато изогнутые шлемы единого образца имели налобник, нащечники и ниспадающие на затылок бармицы, а на вершухе красовался султан из конского волоса. Руки и ноги – в бахроме бронзовых пластин, грудь и спину закрывала мощная кираса. Царицы, царевич и принцы ничем подобным не блистали, отчего сразу стали пресными и легковесными. Как кузнечик рядом с жуком-бронзовиком.

Наверное, царьбер – это солдат. Войник по-местному. Выясню, когда говорить не станет преступлением. Вон как Милослава зыркает, чтобы мы вели себя прилично.

Двое царьберов приготовились записывать въезжающих на пергамент.

– Милослава, Карина и Царица Варфоломеины, – отчеканила царица. Пропустив вперед сестер, она перечислила остальных. – Ангелы Тома и Чапа. Дорофей и Порфирий Милославины.

Мужья царицы внесли Шурика.

– Крепостной Западной границы Щербак. Порван волками.

«Не лжесвидетельствуй!» – вспомнилась заповедь.

Ворота словно с болью в суставах отворились.

– Цикада. – Царица обвела руками уходящий вдаль и закругляющийся там забор, словно объяснив этим что-то.

– Цикада?

При чем здесь невыносимо трещащее по ночам насекомое?

– Царский караван-дворец, цэ ка дэ. Мы говорим – цикада.

Ясно, караван-сарай в местном антураже. По мне, так просто постоялый двор. Именно двор, где за оградой вдоль одной стены даже по запаху определялась конюшня, к другим лепились грубо сляпанные лачуги, перетекавшие одна в другую. Между конюшней и жильем дымила кухня, около нее торчал бревенчатый колодец с навесом. За жильем, перебивая ароматами кухню, располагалось отхожее место.

Зря я назвал домики жильем. Скорее, это были служебные помещения. Казарма, оружейная, склады.

Весь центр занимала огромная поляна-лежанка. Благородные первыми занимали место, сопровождавшие их низкорощенные располагались вокруг, как школьники на перемене вокруг нового гаджета. Мы последовали общему примеру.

Удивительно, но среди ночевавших в цикаде, как и среди всех, встреченных в новом мире ранее, не было ни толстых, ни худых. Видимо, у хилых от местной жизни масса нарастает мышцами, а у жирных выплавляется.

– Милослава? – раздался удивленный оклик.

– Это Дарья, царисса школы и Грибных рощ, – заговорщицким шепотом сообщила Зарина. – Наша соседка.

– Кого вижу, Милослава, как выросла и похорошела!

– Доброго здравия, царисса Дарья.

Группа гуськом выдвинулась в ту сторону. Милослава, наш бравый караванщик, лавировала между лежавшими компаниями, как в свое время я на сочинском бесплатном пляже, с кем-то здоровалась, кого-то демонстративно игнорировала.

Перед цариссой все встали по струнке, едва каблуками не щелкнули.

Лет около сорока, чуточку дородная, но не настолько, чтобы выпирать из боевых доспехов. Илья Муромец в юбке. Впрочем, здесь все в юбке. Экипировка похожа на царевнину, но несравнимо богаче. Поножи и наручи уже сняты, остальное блистает, как только что выкованное. Нагрудная броня красиво обрисовывает немаленькие выпуклости. Оплечье могучее, многослойное, и вообще: в целом металла на цариссе раза в три больше, чем на тоненькой воинственной царевне. И главное отличие: желтая зубчатая корона по ободу шлема.

Такого я еще не видел, кроме как в кино. Настоящая корона на голове настоящей повелительницы. Смущала небольшая деталь: сия повелительница располагалась на травке посреди огороженной лужайки вместе со всеми – с мужьями, со свитой, с бойниками и крепостными. И это коронованная особа?! Чего-то я в местной жизни еще не понял.

Кстати, шлем, хоть коронованный, хоть обычный, здесь не снимали. От слова совсем. Если только на ночь, и то не факт. Пока своими глазами не увижу, буду считать, что он часть тела.

Свита цариссы держалась поодаль, как бы в тени. Как мы. Вроде бы все здесь, но, пока не окликнули, не существуем.

– Я же тебя такой помню, – женщина изобразила жест, каким рыбаки изображают улов среднего размера. – Сколько зим стукнуло?

– Девятнадцать, царисса Дарья. Откуда и куда путь держите, если дозволено любопытствовать?

– Отчего ж. Домой, от вас. Приезжала за девочками, а они, оказывается, здесь, с тобою.

– Значит, забираете Карину и Зарину?

– Пора им вольным воздухом подышать. Себя вспомни.

– Все помню, царисса Дарья, вашими заботами человеком стала. Мир видела. С людьми познакомилась.

Царисса благодушно огладила Милославу по плечу:

– Важно, что Закон приняла в сердце, остальное приложится. Гляжу, сегодня здесь все Варфоломеины дочки собрались. – Она окинула взглядом царевнино сопровождение, внимательно остановившись на каждом. – Что-то Лисаветы не видно.

– Она с вечера на границе.

– Как же? Только что здесь мелькала, – царисса покрутила головой.

– Лисавета – здесь?! – Взгляд Милославы цепко пробежался по каждой фигуре, каждому лежащему телу, каждой вещи, за которой можно спрятаться.

Короткий злой выдох сообщил нам результат.

– Странно, – пожала плечами царисса Дарья. – У меня безупречная память на лица.

В глазах Милославы бесилась неизвестная мысль. Мысль нужно было обдумать в одиночестве, но сначала требовалось закончить здесь.

– Карина, Зарина, – позвала Милослава. – Едете в школу с цариссой Дарьей. Ангелов доставим без вас.

Царисса вскинула левую бровь:

– Ангелов?

Милослава кивнула.

– Вот, – прицельный мах подбородком указал на нас. – Двое. Нужно доставить в крепость.
Для начала стараемся добраться до дома.

Царисса изволила нас отпустить:

– Отдыхайте. Утром заберу девочек.

Глава 2

Сон не шел. «Дно» туловища жалобно ныло, непривычное к долгим верховым прогулкам. Я ворочался на земле, тело пытело и страдало, пытаюсь найти оптимальное положение. Не находило. Рядом, кутаясь в халат, так же мучилась Тома. Остальные дрыхли как цуцки. Если когда-нибудь посчастливится воспользоваться поисковиком, надо посмотреть, кто это.

Гм. Если.

Ну и ладно. Никакого комфорта, зато под охраной. Вот главное удобство караван-сарая. Пожалуй, единственное.

Глаза и мысли устремились в небо. Луна здесь та же, в той же фазе: почти полнолуние. Про звезды не скажу. Знаю только Большую Медведицу. Она присутствовала. На месте или как – большой вопрос. Помню, ее наличие указывает на северное полушарие. Дома мы и были в северном. Выходит, теперь тоже в северном, только южнее: откуда-то ведь взялись тепло и горы. Разберемся, всему свое время.

Перед сном поужинали. Вареные овощи с неизменной кашей и вкусными соусами усвоились на ура, а компот со временем потребовал выхода. Лунный свет позволял ориентироваться. Стараясь ни на кого не наступить, я побрел в отхожее место. Среди ночи в нужной точке не было никого, не считая мелкого карапуза. Из-под его единственного одеяния – длинной, до колен, полотняной рубахи – торчали босые ноги. Круглые глаза мальчугана, проводившие меня до стенки, наполнились ужасом:

– Ты же ангел, я слышал! Лазве ангелы...

Детская ладошка испуганно прикрыла лицо.

– Думаешь, ангелы не люди? – сонно огрызнулся я и, закончив дело, запахнул изрядно помятые за ночь полы халата.

Мелкий ночной сотоварищ все еще стоял позади с открытым ртом. Обернувшись, я зачем-то соорудил жуткую рожу. Пацан мгновенно вспомнил, зачем пришел, и сделал это прямо на месте. Мне стало стыдно.

– Не бойся, я не кусаюсь.

– Ты тосьно ангел? – Мальчик машинально сделал шаг назад.

– Точнее не бывает. Прямиком с того света.

По дороге обратно внимание привлекла одна странность. Когда я отходил, Милослава лежала, раскинувшись, между мужей. Сейчас она располагалась с краю, сдвинув в центр Дорофея. Зачем-то поменялась.

Боковое зрение уловило движение, я резко обернулся. Полная луна делала мир контрастным, четким, мрачно-колдовским. На крыше подзаборного строения отчетливая фигурка в легких латах и шлеме красиво прогнулась назад, в отведенной правой руке – палка. Нет, копье. А отвод руки оказался замахом. Фьюффы!

Копье унеслось в центр общей лежанки. А если конкретно – прямо в нашу компанию. Шмяк! – воткнулось оно между локтями и коленями спавшего на боку Дорофея. Лежал бы он на спине...

Милослава вскочила. Сна ни в одном глазу.

– Там! – крикнул я, указывая пальцем и своим криком будя половину поляны.

По наклону копья Милослава определила направление раньше. Мы вместе проводили взглядом фигурку до забора и за него. Преследовать нет смысла – пока через людей добежишь, пока взберешься на домик, пока перемахнешь... а там, может быть, засада.

На мой вопль прибыли царберы.

– Что случи... Понятно.

Длинное древко, торчавшее в траве между людей, говорило за себя. Проснувшийся Дорофей тер глаза.

– Где виновник? – осведомился начальник стражи.

– Утек через забор, – высказал еще один страж, подошедший от ворот. – И как только ноги не переломал. Я поздно увидел, даже сигнал подать не успел.

– Там, наверняка, его подмога ждала, – рассудил начальник, глядя в сторону забора. – Не один же он. В ночь-то.

Милославу бесило их равнодушное спокойствие.

– Как насчет погони? – встряла она. – Время уходит.

Стражи хмыкнули:

– В ночь никто искать не пойдет. И не в ночь не пошли бы, никого ведь не убили. Поигрались, постращали – дело житейское. Ложная тревога.

– Запомните, – подытожил главный царбер, – мы охраняем от врага, а не от внутренних разборок великосветской шушеры. Всего хорошего.

Вот так, инцидент исчерпан. Они попытались уйти.

– Стойте, – воскликнула Милослава. Она, пронзенная, истекала бы сейчас кровью, если бы не принятые меры и не случай. – Давайте сверим списки! Преступник был среди нас. Он въезжал в ворота. Он же не влез снаружи?

– Снаружи было чисто, – подтвердил царбер – наблюдатель за периметром.

– Придется обойти и опросить всех. – Начальник стражи со скрежетом почесал покрытый бронзой затылок.

– Я помогу, – сказала Милослава.

Царберы согласились.

Заснуть у нас не получилось. После того, как охрана подняла на уши всех гостей цекады, был найден брошенный балахон бойника. Опрос ничего не дал. Царевна долго сличала записи с наличием людей, царберы были рады отдать нудную работенку постороннему.

Милослава вернулась взбудораженная и какая-то дикая. Полный надежды взгляд сестер вызвал горькую усмешку. Царевна обратилась ко мне и Томе:

– Тоже отправитесь с цариссой Дарьей, вернусь за вами на днях.

– Мы не оставим Шурика.

– Черт подери. Вот же, черт, одни проблемы от них. Зарина! Будешь заложницей.

Милослава умела принимать смелые решения.

Зарина вздрогнула, будто ее кобыла лягнула. Могла даже назвать имя кобылы.

– Объясни, – потребовал я.

– Что должна делать заложница? – одновременно выпалила Зарина и залилась краской.

Милослава с усталым видом отмахнулась:

– Сестренка постоянно будет при вас как гарантия, что красного черта не тронут.

– И вылечат, – прибавил я.

– И поставят на ноги, если ты имеешь в виду это.

– А как объяснить окружающим, зачем я день и ночь таскаю с собой малявку?

– Я не малявка! – гордо всхлипнула Зарина. – Мне четырнадцать!

Вскочив и оправляя доспехи, она сравнивалась со мной ростом только благодаря сапогам на каблуках и островерхому шлему, если за точку отсчета брать его верхушку.

– Тебе?! – даже обернулся я.

– Просто я маленькая. В смысле, низкая. Но я расту!

Вот так. Эта пигалица – моя ровесница.

– Объяснение для других будет такое, – на ходу сочинила Милослава. – Зарина наказана выслугой в год за случайную порчу или потерю твоего имущества.

– У меня нет имущества.

– Потому и нет, что она как бы потеряла. Ясно?

– Я согласна! – Зарина закивала с каким-то непонятным остервенелым удовольствием. С рассветом нас передали Дарье.

– Прости, – говорила царисса царевне. – Они же разовые, даже по голосам друг друга не всегда знают. Я тем более. Еще у вашей матушки Варфоломеи подменили. Думаешь...

– Да, – резко ответила Милослава. – Думаю.

– Зачем ей это? – пыталась успокоить царевну Дарья.

Руки и плечи Милославы сотворили жест, означавший как «не знаю», так и «а то сами не знаете».

Выяснилось, что несостоявшийся убийца на входе записан как бойник из свиты Дарьи. Прибыл из дома Милославы. Теперь царевна отправлялась на поиски правды и, возможно, для мести. Покачав головой, Дарья все же благословила:

– Храни тебя и направь на мысль верную и на путь истинный всеблагая Алла-всевидающая и всеслышающая, да простит Она нас и примет.

– Я найду, – пообещала Милослава. Ее левый глаз дернулся. – Найду и покараю. И да воздастся справедливым.

– Алле хвала, – убито повисла выговоренная цариссой необходимая формула. – Только прошу: не свершай необдуманного. Я тоже пострадала. Мой человек исчез. Если ты разворошишь угли, а результата не добьешься, найти концы в полыхающем костре событий мне будет трудно. – Она задумчиво помолчала. – Если что-то пойдет не так – обращайся. Вместе мы распутаем этот клубок.

Милослава кивнула и удалилась.

Рассвело. Караван-сарай гудел собиравшимися путниками, готовясь к новому дневному переходу. Ржали оседлываемые и навьючиваемые лошади. Доспехи гремели, словно играла ударная установка, где вместо барабанов эмалированные ведра с гайками. Глаз искал верблюдов и даже слонов для соответствия виденному в кино... но ожидания, к счастью или сожалению, не оправдались. Здесь были только люди и кони. Люди – светлокожие, европеоидной наружности, разной степени смуглости. Большей частью – в латах, с копьями или хотя бы мечами. Вместо полноценного доспеха у некоторых были разноцветные халаты вроде наших с Томой. Эти халаты у кого-то запахивались, у других скреплялись на груди встык крючками или застежками. Матерчатую одежду частично покрывали бронзовые накладки. Все здесь служило безопасности, все чего-то боялись. Почти все головы венчали островерхие шлемы. Только дети спокойно бегали в одних надеваемых через голову мешкообразных рубашках по колено. Впрочем, были и взрослые в чем-то подобном: в перепоясанной или свободно свисавшей рубахе навыпуск, а также штанах или юбке. Причем, женщины – исключительно в штанах, а мужчины наоборот. Женщины распоряжались, мужья и прочие спутники умело справлялись с возложенными задачами. Думаю, минут через двадцать царберам можно будет поспать в полной тишине до очередного вечернего аврала, когда прибудет следующая партия жаждущих переночевать в безопасности.

Отбывая, мы попрощались с Шуриком. Я склонился над перевязанным соратником.

– Мы вернемся. Обязательно вернемся. Выздоровливай быстрее.

– Только не надо ой. Я вас умоляю, – мотнул он всклоченной рыжей шевелюрой. Пробивавшаяся щетина делала щеки красными. – Прекратите этих глупостей. Неужели не понимаете. Это вам не при румынах двери на ночь колбасой закрывать.

И на прощание, когда расстояние еще позволяло:

– Зай гезунт!

– Что?

– Будьте здоровы, в смысле: до свидания!

Тома утерла пальчиком уголок глаза. У меня тоже в носу щипало, а на душе скребли нагадившие кошки.

Свита цариссы Дарьи оказалась маленькой, словно это не царисса в короне, а какое-то недоразумение. Зато – с двумя развернутыми над головами штандартами. На одном – буква Д на зелено-оранжевом фоне, на втором, бесцветном – гриб на фоне буквы А. Ну да, она же госпожа школы и Грибных роц, как ранее проинформировала Зарина. Не лучше ли на месте буквы изобразить книгу? Стоп, где я видал здесь книги? Еще не изобрели, если глядеть на уровень технологий.

Свита Дарьи включала трех царевичей-мужей (да, так их здесь называли, мужьями цариссы, при этом – царевичами), царевну-подростка по имени Варвара, шестерку превосходно снаряженных войников, внешне не отличавшихся от царевно-царевичей и принцев ничем, кроме меньшей заносчивости, трех белобалахонных бойников-«ку-клукс-клановцев» и нас, четырех членов переходящего звена Варфоломеева семейства. И никакого багажа, кроме седельного. Умеют же путешествовать. У нас, четырех Варфоломеевцев, было всего два мешочка, уложенных на лошадях царевен. Учитывая небрежность, с которой к ним относились, ценностями внутри не пахло.

Плотно сбитая Карина, на земле казавшаяся тяжеловатой и оттого неповоротливой, взлетела на коня, словно у нее пружина в одном месте. Когда она сурово огляделась с высоты, я не успел отвести завистливого взгляда. Уголки девичьих губ тронула тень ухмылки. Впрочем, до меня ей не было дела. Глубоко посаженные карие глаза глядели вокруг твердо, негибкимо и абсолютно равнодушно. Еще бы жвачку в зубы... Карина напоминала бычка, закованного в доспехи.

К тому времени мужья-царевичи нетерпеливо гарцевали поодаль. Они сопровождали цариссу на манер телохранителей: куда она, туда и они, без разговоров и приглашений. Думаю, и отхожее место берут в кольцо, когда дражайшая половинка... гм, в нашем случае четвертинка посещает указанное заведение. Подобно цариссе и царевне каждый обладал превосходным доспехом, выделяясь в вооружении чем-то особенным. Один, невысокий и гибкий, обходился без щита, вместо этого у него крепились за плечами два одинаковых меча, они торчали в стороны, словно обрезанные крылышки. Второй – свирепый верзила – обходился одним мечом, зато огромным двуручным, тоже удобно расположившимся за спиной в простой защелке вместо ножен. Третий царевич, удивительно шустрый здоровяк, только что откликнувшийся на имя Руслан, был со щитом, но не убирал руки с рукояти кривого меча, не характерного для этих мест.

– Тоже хочу нескольких мужей, – зашептала Тома. – Представляешь: сижу такая, вокруг – офигительные мужчины, каждое слово ловят, каждый каприз выполняют... И все – мои!

Я выразительно скривил губы и отвернулся к шестерке собиравшихся войников. Как и мужья цариссы, они различались лишь в мелочах, экипировкой, а в основном снаряжении напоминали высшее сословие: на каждом – чешуйчатые доспехи с оплечьями, перегибавшимися из-за спины и крепившимися на груди бронзовыми застёжками, сапоги с поножами до колен, наручи по локоть и островерхие шлемы. Из-под нашитого на кожу металла кое-где проглядывала нижняя полотняная одежда в зелено-оранжевой гамме.

Тома перехватила мой взгляд.

– Думаю, второй, третий и пятый мне подошли бы, как считаешь? – Озорная улыбка расплзлась по витавшему в облаках лицу, шепот продолжился: – Прикинь: забила мне стрелку Настюха-Брынза из десятого-«бэ», а за меня выезжают такие красавцы в броне, как у Васнецова на «Трех богатырях». Представляю ее физиономию!

– Если что, картина Васнецова называется просто «Богатыри».

– Зануда. Еще скажи, «Три медведя» Репина называется просто «Медведи».

– Их там четыре. Четыре медведя.

– Как это? Почему же ее называют «Три медведя»?

– Кто называет?

Тома задумалась, смутилась, умолкла.

– Картина с четырьмя медведями называется «Утро в сосновом бору», – с мстительным превосходством сообщил я. – Ее автор – Иван Шишкин.

– А я что сказала?

Отряд быстро собрался, взоры обратились на нас, новеньких, выставленных посреди лужайки, как на продажу. Стало неуютно.

Ведя на поводу запасную лошадь, к нам подскакала царица Варвара. Возрастом она превосходила Тома, но до Карины не дотягивала. Зато чудесно совмещала насупленную агрессивность второй с едва распустившейся женственностью первой. Если старшая из оставшихся Варфоломеевых напоминала ошестившийся жерлами орудий, идущий на таран броненосец, а Тома – стремительную яхту, то Варвара была быстроходным фрегатом, готовым сразиться с броненосцем или сбежать от него, но не дать спуску ни одной яхте в пределах видимости. Начищенные латы сверкали бронзой, а ряды крупных зубов – отменной белизной. На щеках при улыбке проявились обаятельные ямочки, но симпатии не вызвали: улыбка вышла надменной и фальшивой. Высокая, отлично сложенная, с выпирающими вперед коническими нагрудниками и прикрытыми броневой юбкой широкими бедрами, девица одарила нас покровительственно-колючим взглядом:

– Ангелы, конем править умеете?

– Нет, – откликнулась Тома.

– Да, – одновременно выдал я. – Чуть-чуть. И только шагом.

– Тогда вот вам на двоих.

Мы стали обладателями низкой послушной кобылки, почти пони. Скорее, размером с ослика. Назову ее Тойота. Надо же как-то называть, если имени не сказали.

Вспомнив свою единственную конную прогулку, по примеру Карины я решил легко вспорхнуть в седло... и едва не перевалился на другую сторону. Меня до обиды весело придерживали посторонние. Сзади привалился приятный груз, Тома обхватила меня вокруг пояса и затихла. При поворачивании головы мое ухо улавливало ровное дыхание. Впрочем, голова Тома тоже не оставалась на месте: вертелась, как вентилятор на перегретую материнку.

Карина демонстративно уехала вперед. Ее мелкая сестренка, мой странный заложник, держалась рядом. Почти впритирочку. Остальные растянулись в длинную колонну, оставив нас практически одних. Только Варвара сзади следила за порядком в нашем Варфоломеевом царстве.

– Что такое школа? – спросил я.

Должны же быть подводные камни. Если волки – это собаки, то школа может оказаться магазином, пограничной заставой или подпольным казино.

– Это... школа, – не смогла подобрать слов Зарина. – Где учат.

– Чему?

– Всему.

Ну, хоть это не поменялось. Затем я припомнил запись при въезде на ночевку.

– Почему принцы записаны по царице? Вообще, не разберусь с вашими титулами. Чем принц отличается от царевича?

Зарина солнечно рассмеялась:

– Это же просто. Принцы – мужья цариц, носят их имя. Царевичи – мужья цариссы.

Маленькая всадница напоминала сестру только обводами лица и цветом глаз, в остальном являя полную противоположность. Вместо угрюмой силы – лучащийся фонтан энергии. Вместо плотной приземистости – хрупкое воздушное изящество. Лицо сияло, глаза искрились и жили собственной жизнью: счастливой, безоблачной и независимой от окружающей суеты.

Как все прочие, Зарина тоже носила бронзовые латы поверх одежды из ткани. Среди остальных мы с Томой в своих обвисших халатах на голое тело, штанах без белья и тапочках без задников выглядели придурками. Кто же путешествует конным в таком виде?!

Ответ: мы. Утешало, что не по своей воле.

– Чем царевна отличается от цариссы? – продолжил я экскурс в неведомое.

Догадка созрела давно, но желательно бы подтвердить.

– Царевны, – разжевала Зарина как маленькому, – это дочки царисс.

– Почему не у всех одна фамилия? Семья-то одна.

Зарина поразила моей глупости.

– Давай еще раз, – сказала она. – Смотри. Мужья царисс – царевичи, мужья царевен – принцы. Само собой, второе имя они получают по имени собственницы.

Шикарная формулировка.

– А остальные? – присовокупил я. – Войники, бойники, кто тут еще есть?

– Второе имя? По тому, кому служат.

Логично. Про царевичей и принцев можно было в отдельный вопрос не выделять.

Дорога частично состояла из вбитых в землю камней. Не булыжная мостовая, но и не грунтовка. Нечто среднее.

– Что разглядываешь? – всполошилась Зарина. – Следы?

– Камни.

Ее взор поскучнел.

– Обычные камни, потому что горы недалеко.

– Как они называются?

– Камни? Не знаю. Мама знает. Я их называю маленькие и большие. – Она засмеялась своей шутке.

– Я про горы, – подсказал я.

– Горы? Смешно. – Лучистая улыбка погасла. – А как называется солнце? А небо?

Ясно, с информацией об окружающем мире здесь туговато.

– А кроме гор что-то есть?

Зарина указала назад.

– С обеих сторон гор – Большая вода.

– Море?!

– Море?! – радостно подхватила Тома, восприняв единственное слово из разговора. – Где море?

– Что такое море? – серьезно поинтересовалась Зарина, уверенно правя большим (по сравнению с собой) конем.

Настал наш черед поскучнеть. Прижавшаяся сзади Тома снова ушла в собственные мысли. Объяснять пришлось мне:

– Море – это когда много соленой воды. Очень много.

– Соленой? Фу. Как ее пить?

– Ее не пьют, – продолжил я информационный ликбез. – В ней плавают.

– Как это?

Не знает, что значит плавать?

– Вы не плаваете? Но ведь купаетесь?

Зарина воспрянула:

– Еще бы! У нас везде озера и пруды. С гор даже речки спускаются, но их сразу по полям разводят.

– Ну и? – подтолкнул я к очевидному. – Что вы в них делаете?

Зарина радостно перечислила:

– Играем в догонялки, брызгаемся, прыгаем, ныряем, бегаем, толкаемся, бултыхаемся, булькаем, дрыгаемся, пихаемся, пры... это я уже говорила...

– А чтобы пересечь водоем? – перебил я.

– Пешком. Как же еще?

Чувствуя, как сзади усмехается Тома, я проявил упорство:

– Вокруг?

– Зачем? – не поняла Зарина. – Поперек.

– А если глубоко?

– Так бывает? Не видела. Тогда, конечно, в обход.

– Минуту назад ты упоминала Большую воду, – не выдержал я.

– Большая вода – граница. Оттуда приходят пожиратели. Туда никто не ходит, опасно.

– О, снова пожиратели. Кто это?

– Не знаю. – Длинные реснички печально вспорхнули, раздался искренний вздох. – Про них стараются не говорить. Судя по слову, что-то очень страшное.

Сзади судорожно закашлялась Тома. Я сам едва не подавился.

Придерживая коня, с нами поравнялась царисса Дарья.

– Развлекаемся, молодежь?

Интересно, какого ответа она ждала. Все притихли. Титул собеседницы давил сильнее возраста.

– Зарина, погуляй.

Младшую Варфоломеину как ветром сдуло.

– Давно? – упало с уст цариссы.

– Что? – не поняли мы.

– Прибыли.

– Вчера.

– Почему к Варфоломее? Причалом ныне Евпраксия заведует.

– Так получилось.

Не выдавать же путаную сагу со многими неизвестными и незаконно спасенными.

– Разберемся, – задумчиво проговорила царисса. – По дому соскучились? Как там сейчас?

Что за запрет, который все норовят нарушить?

– Рискнете слушать ангелов?

– А-а, «Алле хвала»? – понятиливо сощурилась и с загадочной полуулыбкой кивнула царисса. – Ладно, придет время, поговорим.

– Вы сказали «сейчас»? – вдруг дошло до меня.

– Я? – удивленно вздернула брови царисса. – И что?

– То есть, как было раньше...

– Уймись, ангелочек. Твое дело знаниями питаться, а не глупые вопросы задавать, спрос за которые бьет больно и неожиданно.

Глава 3

Потом был привал на обед, снова овощи, и снова обалденно вкусно. Климат способствовал вегетарианству. Кашеварили бойники. Расположилась наша команда у дороги, иногда здороваясь с проезжавшими отрядами легких всадников или желто-плащных тяжеловооруженных царберов. Редкие одиночки неслись во весь опор, времени на церемонии у них не было. Тяжело проскрипело несколько тележных караванов. Жутко напылили группы пеших крепостных, перемещавшихся, как выяснилось, с поля на поле. Те и другие – в сопровождении войников либо царберов. Военные салютовали нам... скорее, цариссе Дарье, оружием, мы в ответ вежливо кивали.

Один раз в сопровождении шикарной свиты проехала... нет, торжественно проследовала пожилая женщина на роскошно убранном коне. Ее приветствовали особенно рьяно.

– Царыня Мефодия, – шепнула прилипшая банным листом заложница, не оставлявшая меня в одиночестве. – Лучший страж вотчины целого поколения. Живая легенда.

Зарина со взрослой ответственностью исполняла возложенную обязанность. Аж страшно становилось, до чего может дойти. В туалет-то отпустит?

Слово «царыня» царапнуло слух и ничего не сообщило мозгу. Дама на коне была почтенная, весьма в летах, но тоже в латах. На шлеме царыни корона казалась такой же, как у цариссы. Возможно, чуточку другой формы или из другого металла. Издали разницы не видно.

Царисса Дарья и, вместе с ней, все присутствовавшие почтительно поднялись.

– Приветствую, царыня, – выкрикнула царисса не сбавлявшему ход каравану.

– И тебе мое почтение, – донесся отклик.

Несмотря на возраст, голос был моложав и звонок.

– Какими судьбами?

– В сестырь, Дашенька. Дома дочка справляется, вмешательства не одобряет, а то, что у меня за них сердце кровью обливается, не понимает. Гоняет, как назойливую муху, того и гляди, прибьет. Езжай, говорит, от греха подальше. Я и поехала.

– На совет?

Царыня фыркнула с не свойственным старости озорством:

– Достали эти заседания, скоро зад сотрется до желудка, в продолжение скамьи превращусь. Нет, на этот раз паломничаю.

Далекое лицо огорошило подобием озорной ухмылки, в уголках глаз цариссы тоже промелькнули шаловливые искорки, словно царыня в ночной клуб собралась, оторваться по полной. Неужели в верхах смеются над священными ритуалами, пусть и чуждыми моему миропониманию? Даже не скрывают. Вот тебе и Аллехвала.

– Сестырь... это вроде женского монастыря? – провернув гигантскую мозговую работу, шепнул я Зарине.

Лицо мелкой царевны застыло с недоуменно открывшимся ртом.

– Что?

– Ничего, – вздохнул я.

– У вас же храм под боком? – удивленно вопрошала царисса царыню.

– За новыми впечатлениями, Дашенька. Одни и те же рожи, одни и те же слова – какие чувства они вызовут, кроме изжоги? Других у нас не водится. Сама понимаешь, в моем возрасте...

Караван ушел.

С обеда выехали в том же порядке, как остановились: царисса Дарья вновь сопутствовала ангелам. Свита чуточку уменьшилась (один из царевичей с двумя войниками ускакал впе-

ред) и почти сразу более чем восстановилась: в сопровождении тройки бойников прибавилась нагнавшая нас войница в тех же зелено-оранжевых тонах свиты Дарьи.

Местность красотами не баловала. Поля, снова поля и опять поля. Дорога разрезала их насквозь, ни разу не изогнувшись. Кони растянувшейся колонны сонно перебирали копытами, всадники подремывали.

– Царыня – это кто? Чем отличается от цариссы по иерархии? – спросил я при первой возможности. – Выше, ниже? Или не по иерархии, а по возрасту? Молодая – царисса, старая – царыня? Или по местности? К примеру, у нас главный начальник – царь, у кого-то король, у племени – вождь, у кого-то, как у нас сейчас, президент. Названия разные, функция одна. И, в конце концов, чей муж здесь называется царь?

– Слишком много слишком глупых вопросов, – с неожиданным неудовольствием отмахнулась царисса, ехавшая со мною бок о бок. – Придет время, узнаешь. Все узнаешь. А не придет...

С неприятным намеком она умолкла, оставив меня в размышлениях о жизни – изменившейся за сутки настолько, что прямо не знаю. Ничего не знаю. Ничего не понимаю. Но понять хочу.

Однообразие абсолютно похожих друг на друга пейзажей утомляло. Глаза хотели нового. А желания иногда имеют свойство сбываться.

– Что это? – Я рассмотрел впереди нечто необычное.

Издалека небольшой лесок показался привычной лесополосой, защищавшей урожай от ветра, но чем ближе становилась «лесополоса», тем быстрее убежденность в этом рассеивалась.

Царисса, долгое время задумчиво разглядывавшая нас, ответила:

– Поселок.

И снова погрузилась в непонятные размышления.

На деревьях жили люди. Сколотили хибарки, сделали шалаши, натянули гамаки. Перекидные лестницы соединяли жилье сложными, но верными дорогами.

– От волков? – догадался я, вглядываясь в невиданные конструкции.

– Крестьяне, – последовал показавшийся не связанным с вопросом ответ, сопровождаемый веселым кивком.

В ответе сквозило отношение – снисходительность богини к жалким людишкам, без чьих подношений, жертв и поклонения тоскливо и голодно.

Позже мы увидели и самих крестьян, работавших в поле. Гордей был прав: они держались минимум по трое, бессознательно кучковались, даже когда не требовалось. На поясах висели ножи. У некоторых – дубинки или топоры. Обитый металлом плуг вгрызался в почву, буксиром работала измученная кляча. Понятно, лучшие кони уходят знати и военным. Все как обычно, как всегда было, есть и будет.

– Они живут здесь постоянно?

Не укладывалось в голове, что на ветвях можно готовить, ходить в гости, ухаживать, рожать и растить детей, присматривать за больными и стариками...

– Только в сезон. Кстати, поглядите вдаль. Что-то видно?

Тома всмотрелась.

– Ничего.

– Ниче... – тоже начал я и осекся. – Башня!

– Подъезжаем.

До башни пробирались через те самые рощи, что должны быть грибными. Кажется, в титуле царисс заложена специализация. С развевавшимися над кортежем флагами тоже все стало понятно: тот, что с рисунками – флаг земель, которыми владела феодальша, второй (цветной, с буквой Д) – именной цариссы Дарьи.

Дорога сузилась, но не исчезла.

– Почему не сделают дорогу к причалу? – спросил я, пользуясь местным термином, обозначающим портал. – Мы пробирались такими дебрями...

– Царская дорога – дорогое удовольствие как проложить, так и содержать, – сообщила царисса. – Нет проку строить и охранять дороги в места, которые используются редко. Учись считать затраты, в том числе чужие, это основа всего.

Сразу два факта. Порталом пользуются редко – раз. Дороги – царские. Два. Не царисские, а царские.

– Царь живет в столице? – сформулировал я вопрос, которым возгордился. Какие глобальные выводы, какая умелая компиляция рассеянной информации!

Хохот в ответ.

– Царь? – Царисса вытерла платочком уголок глаза. – В столице? Даже слова такие забудь.

Хорошо смеется тот, кто последним бьет. Хотелось сказать. Я промолчал. И похвалил себя за сдержанность и уважение к возрасту. Вот стану по-настоящему взрослым, Дарья к тому времени постареет, сморщится как смятая банка из-под колы, зубы выпадут... тогда и посмеюся.

Глава 4

Башня вдали проявилась во всей красе. Просто круглая каменная башня, высокая, зияющая дырами окошек-бойниц, будто расстрелянная из пулемета мишень. С зубцами поверху, где в кинофильмах обычно прячутся лучники. Неравномерно, как белок в глазунье, вокруг башни раскинулся деревянный городок.

Мои глаза рвались вперед. И не у меня одного.

Впервые мы миновали развилку. До сих пор лента каменно-глинистого полотна лилась непрерывно, без перекрестков. Мы взяли левее. Поля остались позади. Высокие деревья легонько шумели, сопровождая отряд. Громада башни ушла вправо, вскоре измельчала и пропала совсем. Впереди за лесом замаячил частокол еще одной цекады. Вместо царберов в настежь открытых воротах приветственно ожидали уехавшие вперед посланники.

Караван перестраивался на ходу: прежний строй исчезал, все притормаживали, царисса медленно, но верно оказалась первой. Так и въехали: за Дарьей – мужа со штандартами, затем остальные. Мы – в золотой серединочке.

Внутри... никак не постоянный двор. Хотя внешне очень похоже.

Здесь нас тоже встречали. Немолодой мужчина и две женщины, одетые уже привычно глазу: в безрукавках разной степени нарядности, а внизу он в юбке, они в штанах. И пара десятков пострелят, похожих на воспитанников детского дома времен седой старины. Их простенькая однообразная форма состояла из двух элементов – рубахи и шаровар. Ноги – босые, что нормально для покрывавшей двор мягкой шелковистой травки. У многих были длинные волосы, скрепленные налобной тесьмой. На первый взгляд, большинство – девочки, возраст колебался вокруг моего, лет тринадцать-пятнадцать.

Грянул хор, громоподобно, гулко, как на Красной площади во время парада:

– Алле хвала! Приветствуем смотрительницу школы цариссу Дарью!

Значит, это и есть школа. Могло быть хуже.

Прибывшие ранее люди цариссы подготовили встречу. Дым из кухни валил стоячего и поднимал лежачего. Везде чистенько, трава скошена, на лицах улыбки, втюхивавшие вам без вазелина сто лет безбедной жизни. Покинув седла, Дарья с царевичами удалились в один из покоев. Нас, новеньких, ее дочка Варвара подвела к ждавшему мужчине. Костлявый, ссутулившийся, с расползающейся кляксой лысинки на седой голове, в своей расшитой орнаментом юбке и красивой рубашке без рукавов он походил на грустного шотландского клоуна. Глаза смотрели устало и очень по-доброму.

– Школьный распорядитель папринций Люсик, – представился он. – Можно просто дядя Люсик. Любые проблемы в школе, не решаемые другими – это ко мне. Теперь расскажите, кого мне послала Алла-дарительница, да простит Она нас и примет.

– Назовитесь, – шикнула царевна Варвара.

– Царевна Карина Варфоломеина.

– Царевна Зарина Варфоломеина.

Умолкнув, Карина надменно набычилась, сей позой как бы подтверждая немалый статус, а Зарина расцвела в милой улыбке. Все взгляды сошлись на нас с Томой.

– Ангел Тома, – гордо вылетело сбоку.

Что ж, назвался груздем...

– Ангел Чапа, – тоскливо сообщил я.

Глаза папринция взорвались непонятным огнем, словно глазницы переполнены порохом... и быстро погасли.

– Пойдемте, познакомлю со школой.

Варвара, пока не дали новых поручений, тихо исчезла. Для нас папринций Люсик провел экскурсию.

Школа выглядела как цекада – огражденная частоколом территория размером с футбольное поле, похожая на стадион. Внутри – ухоженное травяное покрытие, только у притулившегося к строениям колодца поблескивал прудик-бассейн размером с небольшую лужу. Роль трибун, если продолжить сравнение со стадионом, исполняла жавшаяся к забору вереница жилья и технических строений. Они скалились пустыми проемами окон и дверей – начиная с конюшни по одному краю и заканчивая казармой по вернувшемуся к воротам другому. При нападении извне можно отражать атаки с крыш, соединявшихся между собой в виде общего подковообразного навеса. Зубья частокола одновременно выполняли роль внешней стены помещений. Заостренные бревна поднимались над плоской кровлей на метр-полтора, как зубцы на каменных крепостных стенах. В нескольких местах с поля на объединенную крышу вели грубо сколоченные лесенки типа пожарных. Пупом на ровном месте с одной стороны ворот торчало подобие башенки. Как шляпка незабитого гвоздя в начале подковы. Самая высокая точка школы. Внутри башенки дежурил стражник. Особого усердия он не выказывал, что говорило о мире и спокойствии вокруг.

Миновав расположение стражи и комнат, куда ушла царисса с мужьями, школьный распорядитель ввел нас внутрь построек. Они оказались бесконечной анфиладой, пронизывавшей каждое из состыкованных строений. По обе стороны бесконечного общего коридора располагались двери. Одну, на внутреннюю сторону, гостеприимно распахнули перед нами.

– Кладовка. Здесь утварь и оружие для тренировок. Прямой выход во двор. Все в свободном доступе, тренируйтесь, когда хотите, только за ворота ничего не выносите без разрешения.

Прошли дальше. Боковые помещения исчезли, образовав единое пространство от внутренней стены до забора. Столы с лавками заполнили получившийся зал так густо, что едва оставалось место пройти.

– Это кухня, – объяснил дядя Люсик, как он просил называть себя вместо официального «папринций». – Три раза в день добро пожаловать.

Технические помещения кухни выделялись дымящей трубой на крыше, внутри, судя по запахам и звукам, жарили, парили и скребли, мы миновали несколько дверей, не заглядывая. В следующем зале оказались чарки, тазы, две бадьи по плечо высотой, а за выводящей на поле открытой дверью виднелся бассейн.

– Умывальня и помывочная, – последовало объяснение. – Снаружи – купальня.

Стало смешно: в самом глубоком месте бассейна мне в лучшем случае по колено, только чтобы побулькаться, побрызгаться да повизжать. Услада «девчачье счастье» или грезы малыша.

– Уборная, – продолжил дядя Люсик.

Туалет поразил. Об унитазах молчу, до них еще тысячу лет на пузе по наждачке, но здесь не было даже обычного деревенского сортира. Просто жиденькой шеренгой выстроились, криво ухмыляясь изгибами ручек, несколько горшков. В углу – вода в кувшинах. Все. Это все?!

– А куда выносить за собой? – не удержался я от вопроса.

– Этим занимаются другие.

Надеюсь, приходящий «слив» работает достаточно оперативно.

Помещения школы выглядели ненадежно-хлипкими из-за некоторой кособокости – так всегда бывает с деревянными домами, построенными много лет назад. Время повсеместного использования досок еще не пришло, поэтому потолок и большинство стен состояли из состыкованных половинок бревен, расколотых вдоль и промазанных глиной. Из таких же половинок, только отшлифованных многими поколениями ног, был сделан пол. Потолки опирались на поперечные круглые балки. Некоторые стенки и внутренние перегородки состояли из двух рядов плетеных прутьев с насыпанной между ними землей, часть была обычным плетнем, усиленным соломой. Для шумоизоляции – самое то.

Дядя Люсик остановился у двух соседних дверей по внутренней стороне школы в длинном ряду многих таких же.

– Ваши комнаты. Заселяйтесь. Ставни в окна можно получить в кладовке в случае сильной жары или холода. Белье меняется раз в неделю. Если что-то постирать – говорите. Располагайтесь. Двадцать минут личного времени.

Нас предоставили самим себе.

Как-то подразумевалось, что мне, мальчику, выделяют одну комнату, пусть самую махонькую, а девчонкам другую. Когда же мы заглянули внутрь...

В одной – два матрасообразных лежака по углам. Кроватями их назвать трудно. Внутри, как понимаю, солома, снаружи – обшивка из мешковины или чего-то не менее забористого для нашей привыкшей к комфорту кожи. Белье – две дерюжки-простыни, на одной спать, второй укрываться. Подушка – из сваленного меха, наверное, собачьего: другой живности за время приключений не замечено. Два табурета – класть на ночь одежду. Проем-окно во двор. Все.

Соседнюю обстановку словно печатали на копире. Мы с Томой озадаченно переглянулись.

Карина без разговоров заняла ближнюю комнату. Гукнула взбиваемая подушка, всхрапнул продавленный лежак. Не теряя времени, я шагнул к дальней комнате. Отворяемая дверь стонала и плакала, противясь давлению. Переборотая, она смирилась и приветливо распахнулась во всю ширь: «Добро пожаловать, хозяин! Мы любим сильных!»

В проеме я обернулся. Напряженная, но безуспешная работа мысли сводила Томе мозг. Хорошо, что выбор остался ей. Просто прекрасно. Выбери она эту комнату первой, я попал бы впросак. Поясняю. Пойди я к ней – наглец, уйди к Карине – предатель. Трагедия, однако.

Губы Томи задрожали, щеки залил румянец. Блин, она в той же беспощадной «вилке»: либо нахалка и бесстыдница, либо трусиха и сволочь.

Ситуация разрешилась без нашего участия.

– Я заложница! – радостно вспомнила Зарина и ринулась занимать место в моих апартаментах.

Казалось, даже стены облегченно выдохнули. Правда, с горьким оттенком потери.

Вселились. Я лег, положив ногу на ногу, руки нащупали и потуже запахнули халат, глаза уставились в потолок. Вот такое новоселье.

Зарина, уже дважды восторженно обежавшая комнатенку по кругу, теперь заглядывала во все щели. Даже свой лежак приподняла – вдруг под ним спрятано что-то интересное?

Ага, первая ночевка вне родных стен. Скоро перебесится. Мне, напутествовавшемуся с родителями по стране и не только, местный аналог гостиничного номера навевал грусть.

В дверь потарабанили пальцами, громко и отчетливо.

– Войдите, – пригласил я.

– Одежда для занятий.

Сначала прозвучал голос, затем мы увидели одну из тех женщин, что при въезде встречали цариссу. Нам вручили две котомки.

– Будьте готовы через десять минут. Ваши кафтаны, временное одеяние ангелов, мы вернем в башню причала, так заведено.

Дверь чувственным стоном сопровождала исчезновение чужой из нашего пространства и в конце ликующе взвизгнула: мол, как я ее? Где аплодисменты?

Внутри котомок оказались широкие штаны и распашные рубахи на тесемках. Выделка порадовала, если сравнивать с деревенским тряпьем, и огорчила, если – с халатами, которые здесь называли кафтанами. Знакомое слово, но кто в мои годы носит или просто знает кафтан?

Одежная ткань оказалась плотной, надежной, а большего не требуется. Цветом принесенное тоже не блистало: все однотонное, светлое, желтовато-серое. За красотой здесь явно не гнались и на нее не тратились. Или это потому, что казенное? Может, школьники сами поку-

пают себе более качественное и красивое? Или ангелам, как сиротам, не дозволена роскошь? Типа, надо блистать умом, а не перьями в заднице. Чтобы не осталось сомнений, я заглянул в котомку соседки. Все то же самое. Не в происхождении дело. Унификация, понимаешь.

Зарина сняла шлем. Внезапный дождь из золота обрушился на плечи, и меня едва не раздавило свалившимся удивлением: как же меняет людей прическа! Красиво поведя зависшим в воздухе водопадом, Зарина бережно поставила шлем у лежака, стянутые боевые сапоги победно встали под табуретом, перевязь с мечом нашла пристанище в голове лежака. Затем на табурет полетели поочередно скидываемые доспехи.

– Кстати, – она вынула что-то из-за пазухи. – Держи. Это твое.

– Спасибо... – выдал я, приняв Гордеевский нож в ножнах, мою единственную материальную ценность в этом мире. – Как ты его...

Осчастливленный, я вскинул глаза на маленькую благотельницу в желании еще раз отблагодарить...

Что она делает?! Глупая бесцеремонная девчонка, мало ремнем драли? Эгей, существо, ты не одно в этом мире! По крайней мере – в данной комнате.

Зарина не обращала на меня внимания. Из двух ее подросших вещей – жилетки и штанов типа галифе – первая, совершив красивое па, плавно спикировала на табурет.

Умение думать наперед помогает избегать неловких ситуаций. Одну я проморгал, а более серьезная вторая только назревала. Мои руки машинально потрясли пустую котомку в бессознательной надежде добыть необходимое. Увы. Ни трусов, ни майки.

– Э-ээ... – промямлил я, жалея, что не улитка и не ношу домик с собой. – А где нижнее белье?

– Что? – резко обернулась Зарина.

Черт. Мое лицо мотнулось к стене и стало ее сосредоточенно изучать. Кстати, если до сих пор Зарина была в моих глазах мелкой, надоедливой, странной, но при этом – главное – девчонкой, то теперь я называю ее девушкой. Она не ребенок, просто низенькая. Я вот тоже не мальчик, а тинейджер. Подросток, парень, юноша, молодой человек, как больше нравится. А моя соседка – полноценная девушка. Яркая. Очаровательная. Красивая. В общем... соблазнительная. Вот. Выговорил. Все, что отличает взрослую девушку от девочки, у Зарины присутствовало. И выглядело бесподобно. Аж дух захватило.

– Белье, – безвольно повторил я, еще дальше опуская пылающее лицо в пол.

– Вот оно. – Тон был недоумевающий, тонкая рука указала на простыню.

Издавается? Как можно не понять о чем речь?

– Нижнее белье, – вытолкнуло мое горло.

Лучше бы оставило внутри. Зарина без зазрения совести шагнула ко мне. Босые ноги прилепали по тесаному полу, правая ладонь задрала верхнюю простыню моего лежака, левая ткнула в нижнюю:

– Да вот же. Смотри, показываю!

Боковым зрением я видел. Видел прекрасно. Но видел больше, чем требовало воспитание. Соседка, которую это несколько не смущало, требовательно ждала. Пришлось повернуть голову и кратко кивнуть склонившемуся надо мной созданию. Посчитав недоразумение исчерпанным, Зарина выпрямилась, ее руки задумчиво сложились на раскосой глазастой груди.

– А-а, поняла, у вас оно, наверное, называется по-другому. Тебе надо привыкать. Вот эта вещь у нас, – ее опустившаяся ладонь вновь подхватила и вздернула к моим глазам простыню, – называется простыней.

Я подавил нервный смехок.

– У нас тоже.

– Тогда почему же...

– Заринка, муть твою-мою-нашу! – раздался вопль в соседней комнате, слышимый, скорее всего, и на Святом причале.

Не описать моей радости печатными словами. Я еще не оказывался в столь позорной ситуации, когда мысли увязают, как мухи в меде, оставшийся без высшего командования язык мелет чушь, а глаза требуют оградить от потрясающего организм (именно так) зрелища... и одновременно не желают уводиться в сторону.

– Заринка, в гроб тебе гвозди по самые дыни и колючку в арбуз! – донеслось уже ближе.

Говорят, смена деятельности – лучший отдых. А для бурлящих эмоций нет ничего лучше смены их вектора.

– У вас пользуются гробами? – Удивление поползло из меня, как бока из заниженных джинсов чересчур уверенной в себе дамы Бальзаковского возраста.

Зрелище похорон самоотверженного бойника до сих пор стояло в глазах. Никакими гробами там не пахло.

– Чем? Какими гробами? – Златокудрая соседка расшнуровала завязку своих галифе, без единой тени сомнения стянула их, поочередно поднимая ноги, и безмятежно прошла к своей котомке.

Меня снова бросило в дрожь. Если здесь столь вольные нравы...

– Карина сейчас крикнула... – судорожно напомнил я происхождение темы разговора.

Как бы еще намекнуть насчет моей неготовности к подобной простоте и близости к природе. В моем мире не селят разнополых учеников в одной комнате, и у нас посторонние стесняются ходить друг перед другом даже в нижнем белье. Даже. А не. И если тут все так же и дальше, а то и не так, то... ух.

– Это кто-то из ангелов употреблял, – не прерывая занятий по переоблачению, пояснила Зарина.

Она расправила бесцветные шаровары, взгляд придирчиво пробежался сверху донизу, руки зачем-то встряхнули свежевыглаженную вещь. Лишь после такого длинного ритуала ее ноги влезли в подставленные штанины. На вопли сестры Зарина внимания не обращала. Привыкла.

Проделав аналогичные действия и пассы с рубашкой, она добавила про гробы:

– Обычное непонятное слово, чтобы в перемешивании с другими изобразить возмущение.

Олицетворение упомянутого возмущения чуть не вынесло нашу дверь, у которой даже не нашлось звука выразить свои недовольство и презрение. С легким присвистом дверь отлетела к самой стене и обиженно заткнулась.

Карина уже переоделась. Рубаша сходилась на пупке узлом, что выглядело дерзко и фривольно. Правильнее было застегнуть на тесемочки и заправить в шаровары, либо оставить навыпуск, либо оставить и перетянуть поясом, но бедовая девка выбрала то, что выбрала. Без шлема она оказалась короткостриженной шатенкой, и в плане шевелюры тоже совершенно не походила на младшую сестру.

– Заринка, чтоб тебя пожиратели пожрали и человолки отчеловолчили, где мой трофейный нож, сукина дочь?

Это уже слишком.

– Вас не учили стучаться? – предельно спокойно осведомился я из своего положения лежа.

– Заткнись, вошь небесная, не с тобой говорят. – Зло зыркнув на меня, Карина развернулась к моей маленькой соседке. – А ну, иди сюда, мерзость подноготная...

– Это не твой нож, он ангельский! Милослава у ангела отобрала!

– Мой. Я его заслужила. Не тебе решать.

– Вспомни заповедь: не возжелай жены и дома ближнего своего, и другого имущества, – пошла Зарина на последнее средство логического убеждения.

В битве логики с яростью у первой не было шансов. Большое тело надвигалось на маленькое как бандитский джип на детский велосипед, последствия встречи угадывались со стопроцентным результатом.

– Тысяча извинений, мадемуазель, но не пойти бы вам отсюда на хрен? – тихо, но эффектно выдал я, принимая вертикальное положение.

Ненавижу насилие. Еще больше ненавижу хамство и безнаказанность права сильного.

– Что-о?

Это как если бы я похлопал по плечу человеколюбивого – в плане покушать – инопланетного монстра и он обернулся. Ощущения – не передать словами.

– Вообще-то, я не бью девчонок, – на всякий случай сообщил я. Вдруг сработает?

Нет. Здесь собирались бить меня и бить больно.

– Это я девчонка? – зловеще загрохотала Карина.

Озверевшая машина для убийства, натренированная донельзя, сделала шаг вперед. Ее руки приготовились рвать, что гнется, и крошить, что ломается.

– Кариночка, опомнись. – Зарина выдала «молитву встречи»: – «Если я встречу ангела, я стану ему другом и помощником. Я отведу его в крепость. Я отдам жизнь за него не задумываясь». Закон, Карина! Преступивший закон сознательно ставит себя вне общества, общество обязано ответить тем же!

Хорошо же им вдолбили, от зубов отскакивает.

– Отдайте нож, и я уйду, – снизила тон Карина.

Вроде как сменила гнев на милость.

– Это мой нож, – сказал я.

– Это мой нож!

Выкрик слился с броском. Драка с натренированной шестнадцатилетней убийцей меня не вдохновляла, шансы уходили в глубокий минус. Победить можно лишь неожиданностью или тем, что здесь неизвестно. Но чем?

Уже чувствуя, как клещи рук сходятся на шее, я ткнул прямой ладонью в открытую всем ветрам диафрагму или, выражаясь проще, «под дых». Карина поперхнулась, согнулась пополам и гулко «поцеловала» пол.

– Кариночка, ты как? – запорхала вокруг нее сестренка.

У самой глазки сияли, как начищенные сковородки прабабушки. Наконец-то старшую сестрицу поставили на место!

– У-ух... – продышалась воительница. – Да я!..

Однажды я ходил на самбо, ходил почти месяц: родители заранее оплатили восемь занятий, деваться было некуда. Там мне довелось кое-что видеть. Запомнилось главное, слова тренера: «Лучше уметь применять один прием, чем знать тысячу».

В соответствии с озвученным принципом на первом занятии мы изучали и отрабатывали единственный прием – бросок через бедро. Хватаешь за грудки, проворачиваешься с одновременным нагибом и кидаешь через себя. Хватаешь, проворачиваешься, кидаешь. Хватаешь, кидаешь. И так весь урок. На втором занятии снова отрабатывали этот же прием. До изнеможения. На третьем отрабатывали и применяли. На четвертом применяли до посинения, с противниками разного веса, из разных позиций. Остальные занятия я прогулял, о чем мои предки, понятное дело, не догадывались. Сейчас бы снова туда, годика на три...

Прыжок Карины наткнулся на захват правой руки обеими моими. Сгибаясь в развороте, я резко потянул на себя, энергия нападения сработала в мою пользу – противница полетела через меня на лежак лицом вниз. Мой вздрюченный обстоятельствами организм машинально упал на нее сверху, прижимая, чем получится – не для закрепления победы, об этом не дума-

лось, просто сработал инстинкт самосохранения. У меня не было преимущества ни в силе, ни в весе, ни в технике. Что-то виденное в кино заставило действовать дальше почти автоматически: я вывернул упиравшуюся руку назад, до вскрика. Нет ничего лучше удержания в болевом приеме, если противник один.

– Нож – мой. Признай и повтори, – приказал я.

Что ни говори, Карина была знатным бойцом. Превозмогая боль, она вывернулась, мне под нос выставился средний палец:

– А хо-хо не хи-хи?

Зря она это. Я обхватил показанный палец кистью и заломил в обратную сторону. Не выдержит никто. Только под наркозом.

– Кариночка, пожалуйста, признай, что не права. Если дойдет до разбирательства...

– Эт-то т-тво-о-ой, твой нож! – взвыла Карина, губы при этом до странности изогнулись и растеклись по лицу невозможной амебой. Взгляд искромсал меня на куски: – Я припомню.

– Договорились. Но не забывай, что я ангел, меня нужно холить и лелеять.

Сосредоточенное лицо Зарины старательно изображало поддержку и сострадание сестре, а глаза врать не умели. Они смеялись во всю глотку, если такое выражение применимо к этим частям организма.

Про себя я назвал сестер Солнышком и Злюкой. Очень подходяще.

– Чем помочь? Что за шум? – В недовольно рыкнувшую дверь вломились две ученицы.

Второй была Варвара, дочка цариссы Дарьи. Она уже переделалась в униформу. Без шлема, а потому тоже преображенная до неузнаваемости, как до того приятно удивившая Зарина, ее не оставившая впечатлений сестра и испугавший внезапной лысиной Малик. У Варвары волосы оказались длинными, светлыми, но сухими, как пакля. Рубаха свободно свисала, скрывая фигуру. Босые ступни стыдливо выглядывали из-под штанин. Умирая от любопытства, Варвара старательно держалась сзади, показывая более высокое положение напарницы.

Влетевшую первой я не знал. Лет пятнадцати на вид. Томина ровесница или чуть старше, примерно как Варвара. Мускулистая, выше нас всех, но при этом по-змеиному гибкая и опасная. В спарринге однозначно составила бы конкуренцию Карине – самой мощной из нас. И не коварством, как я, а по-настоящему. С этой мне связываться не хотелось. Пусть ангелами объявили нас с Томой, истинно ангельское личико было именно у новоприбывшей. Тонкие брови вразлет, острый прищур огромных глаз – льдистых и одновременно жгущих. Даже холщовое одеяние навывпуск и босые ноги не прятали зловеще-холодной красоты. Не люблю таких, слишком много о себе воображают. А если их безразмерное мнение о себе чем-то подкреплено, тем более не люблю. Нефиг в чем-то быть лучше остальных. Самым лучшим должен быть я.

Девушка глядела на нашу заварушку отстраненно и немного свысока. Варвара при ней исполняла роль шакала при тигре из истории про дикого мальчика.

– Имущественные споры. – Я убрал нож под подушку. – Проблема разрешена к обоюдному согласию сторон.

И где только нахватался такого. Говорила мама: смотреть телевизор вредно.

– Ужин! – донеслось снаружи.

Глава 5

Еда, как всегда в этом мире, оказалась на уровне. Не верилось, что такое можно сотворить исключительно из растений. Впрочем...

Язык уловил привкус молочных продуктов. Сыр? Творог? Непонятно. Но хорошо.

Столы – как раз на четверых. Некоторые пустовали. На прием пищи собрались только ученики, взрослых не было. Я насчитал восемнадцать человек без новеньких. Кроме меня – все девчонки. Мальчишки поели в первую смену?

Боже ж мой, какие мальчишки?.. На встрече цариссы-смотрительницы школы присутствовали ВСЕ. Около двух десятков голов. Столько и было, сколько сейчас скребут по тарелкам и облизывают ложки. Почему меня воткнули в женский лагерь? Леня было везти куда нужно?! Не может же мужская школа быть за тридевять земель от женской. Выдам все, что думаю, при первой возможности. Им невдомек, что мне неприятно и... в общем, неправильно все это.

Стоп. Дарья – царисса школЫ. Одной. Продолжая мысль...

Мальчиков учат в другом месте. Мало того, возможно, что другое место находится в другом царстве, пусть оно размером с некий гулькин нос (надеюсь, судьба даст мне шанс узнать в интернете, что это такое; очень надеюсь). Хорошо, если такие царства граничат друг с другом, а вдруг между ними еще десяток-другой мини-государств, и добираться в мужскую школу нужно годами?

Предположим, я добьюсь своего. Меня переведут в другое место... и разлучат с Томой. С последним своим человеком в чужом мире.

Помолчу некоторое время. Не дураки же вокруг, сами поймут, как сделать лучше для всех. И сделают. Если разлучат не сегодня-завтра, буду решать новую проблему. Снова найду способ шантажировать. До сих пор у меня это получалось.

Решено, молчу.

Вечерело. Когда оконного света стало не хватать, в дверях кухни появился дядя Люсик.

– В прощание дню повторим святые заповеди, данные нам Аллой-спасительницей, да простит Она нас и примет.

Застучали отодвигаемые скамьи, ладони легли на края столешниц, лица благостно опустились. С короткими перерывами раздалось многоголосое:

– Не сотвори себе идола, ни духовного, ни реального.

– Не произноси Святого Имени без надобности, а произнеся – помолись.

– Соблюдай закон.

– Почитай мать свою и чужую, ибо Алла, да простит Она нас и примет, дала нам мир, а они дали жизнь.

– Не убий, если это не враг, посягнувший на твою жизнь, семью и родину.

– Не укради.

– Не произноси ложного свидетельства.

– Не возжелай мужа и дома ближней своей, и другого имущества.

– Алле хвала! – подытожил дядя Люсик, и долгожданный взмах руки отпустил всех с миром.

В потемках ученицы и я разбрелись по комнатам. Халаты со смешными штанами и мягкие «ангельские» чуваки у нас забрали, пришлось осваивать местную традицию ходить босиком. У Зарины и прочих были сапоги, но для ношения обуви здесь, видимо, есть особые дни или некие условия. Меня босоногое передвижение не смущало, а Тома морщилась.

Зарина первой юркнула в восторженно отверзшуюся дверь, поэтому я немного задержался. Карина глянула зловеще-строго, глаза сказали, что она все помнит и не простит. Тома с едкой полуулыбкой-полуусмешкой пожелала спокойной ночи и с грохотом захлопнула за собой

дверь. Варвара с чванливой наперсницей-выскочкой, которую она назвала, кажется, Аглаей, скрылись в следующей за моей комнате. Досчитав про себя до десяти, а потом, на всякий случай, еще до двадцати, я вошел. Словно понимая ситуацию, дверь прикрылась бесшумно.

Отвернувшись зубами к стене, укрытая простыней соседка дрыхла без задних ног. Под милое похрюкивание я разделся и впрыгнул в спасительное укрытие лежака.

Сонные звуки смолкли. За неясным шорохом последовал скрип. Я осторожно приоткрыл один глаз. За ним быстро распахнулся второй. Стоя надо мной, на меня глядело маленькое грустное привидение.

– Не спишь? – тихо спросила завернутая в простыню Зарина. – Можно к тебе?

Я даже рта не успел открыть: лежак вскрикнул под лишней тяжестью, бесцеремонно плюхнувшееся тело принялось возиться, устраиваясь с удобством.

Я натянул простыню под самое горло и машинально отпрянул – на самый-самый краешек. Зарина с радостью воспользовалась неожиданным подарком, повернулась ко мне, ее лицо приблизилось, в ухо жарко зашелестело:

– Так волнуюсь за сестер... Милослава... Она гордая, не простит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.